

ПРЕДИСЛОВИЕ К I ИЗДАНИЮ

55 лет отделяют последнее практическое выступление стратегии Мольтке — франко-прусскую войну — от последней операции Наполеона, разрешившейся под Ватерлоо. 55 лет отделяют и нас от Седанской операции.

Мы отнюдь не можем говорить о замедлении темпа эволюции военного искусства. Если у Мольтке были основания для того, чтобы приступить к ревизии стратегического и оперативного мышления, оставленного в наследство Наполеоном, то еще большие основания имеются в наше время, чтобы приступить к ревизии стратегического мышления, оставленного нам Мольтке. Мы можем сослаться на ряд новых материальных факторов, заставляющих нас занять новую точку зрения на стратегическое искусство. Укажем, например, на железные дороги, игравшие в эпоху Мольтке существенную роль лишь при первоначальном оперативном развертывании; теперь железнодорожный маневр вторгается в каждую операцию и составляет существенную ее часть; укажем на возросшее значение тыла, экономического и политического фронтов борьбы, на перманентность военной мобилизации, отодвигающую момент наивысшего стратегического напряжения с двадцатого дня войны на несколько месяцев, и т.д.

Целый ряд истин, справедливых еще в эпоху Мольтке, ныне является пережитком.

Блестящее военное творчество Наполеона в значительной степени облегчило работу Жомини и Клаузевица по составлению теоретических трактатов по стратегии: произведения Жомини являются лишь теоретической кодификацией практики, созданной Наполеоном. Не столь законченный, но все же богатый материал, с рядом мастерских решений, оставил Мольтке-старший в распоряжении Шлихтинга. Современный исследователь стратегии, опирающийся на опыт мировой и гражданской войн, конечно, не может жаловаться на недостаток нового исторического материала; однако его задача труднее задач, выпавших на Жомини и Шлихтинга: ни мировая, ни гражданская война не выдвинули таких практических деятелей, которые оказались бы вполне на высоте требований, предъявляемых новыми условиями и которые авторитетом своих мастерских решений, увенчанных победой, подкрепили бы новое изложение стратегической теории. И Людендорф, и Фош, и военные деятели гражданской войны далеко не господствовали над событиями, а, скорее, увлекались их водоворотом.

Отсюда вытекает меньшая связанность современного стратегического писателя, но свою свободу он вынужден окупить громадными трудностями работы и еще, быть может, большими затруднениями на пути утверждения и признания его взглядов. Мы атакуем значительное количество предрассудков стратегии, которые, быть может, в глазах у многих не потерпели еще окончательного поражения в жизни, на театре войны. Новые явления заставляют нас давать новые определения, устанавливая новую терминологию¹; мы стремились не злоупотреблять новше-

¹ Это неотъемлемое право каждого автора. В математике цифры и формулы имеют совершенно точное значение,

ствами, однако и при таком осторожном подходе, как ни путаны устаревшие термины, вероятно, они найдут своих защитников. Маршал Мармон, которому сделали упрек, что он употребляет вместо термина «оборонительная линия» термин «операционная линия», имеющий совершенно другое значение, имел же развязность назвать шарлатанами лиц, стремившихся согласовать военный язык с военной действительностью!

Характер нашего труда не допускает цитирования авторитетов для подтверждения наших взглядов. Если на стратегию сыплются упреки в том, что это лишь «вежливость военных», скрывающая пустое место, казарменная сказка, то в этом дискредитировании стратегии крупную роль играли чисто компилятивные труды, блестящие набором афоризмов, заимствованных у великих людей и писателей разных эпох. Мы не опираемся ни на какие авторитеты, мы стремимся воспитывать критическую мысль, наши ссылки указывают или на источник фактического материала, которым мы орудуем, или приводят первоисточник отдельных слишком известных мыслей, улегшихся в нашу теорию. Первоначальный наш замысел был — написать труд по стратегии без всяких цитат, — так стали нам ненавистны наборы изречений, — усомниться во всем и лишь из бытия современных войн построить учение о войне; нам не удалось осуществить этот замысел полностью. Мы не хотели точно так же и вступать в полемику — поэтому мы не подчеркивали противоречий между определениями и пояснениями, которые являются нашими, и мнениями очень больших и знаменитых писателей. К нашему сожалению, этих противоречий в нашем труде имеется даже

а в стратегии термины представляют такие же формулы, в которые, однако, часто вкладывается совершенно различное содержание.

значительно больше, чем требовалось бы для признания его вполне оригинальной работой. К сожалению, — так как это может затруднить понимание нас при поверхностном чтении.

Мы надеемся, что эти затруднения отчасти будут смягчены знакомством с нашим трудом по истории военного искусства, а также несколькими курсами лекций по стратегии, которые мы прочли в течение двух истекших лет и которые уже несколько популяризировали нашу постановку некоторых вопросов.

Мы рассматриваем современную войну со всеми ее возможностями и не стремимся сузить нашу теорию до наброска красной советской стратегической доктрины. Обстановку войны, в которую может оказаться втянутым СССР, предвидеть необычайно трудно, и ко всяким ограничениям общего учения о войне надо подходить крайне осмотрительно. Для каждой войны надо вырабатывать особую линию стратегического поведения, каждая война представляет частный случай, требующий установления своей особой логики, а не приложения какого-либо шаблона, хотя бы и красного. Чем шире охватит теория все содержание современной войны, тем скорее придет она на помощь анализу данной обстановки. Узкая доктрина, может быть, будет более путать наше мышление, чем ориентировать его работу. И надо не забывать, что только маневры бывают односторонними, а война представляет всегда явление двухстороннее. Надо иметь возможность охватить войну и в представлении противной стороны, уяснить себе ее стремления и ее цели. Теория может принести пользу, только поднявшись над сторонами, проникшись полным бесстрашием; мы избрали этот путь, несмотря на негодование, с которым встречаются некоторые наши молодые критики избыток объективности, «позу американского наблюдателя» в военных вопросах. Всякая измена научной

объективности явится в то же время изменой и диалектическому методу, которого мы твердо решили держаться. В широких рамках общего учения о современной войне диалектика позволяет гораздо ярче характеризовать линию стратегического поведения, которую нужно избрать для данного случая, чем это могла бы сделать теория, даже имеющая в виду только данный случай. Человек познает лишь различая.

Но мы не собирались написать нечто вроде стратегического Бедекера, который бы охватил все мельчайшие вопросы стратегии. Мы отнюдь не отрицаем пользы составления такого путеводителя, лучшей формой которого, вероятно, явился бы стратегический толковый словарь, который с логической последовательностью уточнил бы все стратегические понятия. Наш труд представляет более боевую попытку. Мы охватили всего около 190 вопросов, казавшихся нам более важными, и сгруппировали их в 18 глав. Наше изложение, порой более глубокое и продуманное, порой, может быть, недоконченное и поверхностное, представляет защиту и проповедь известного понимания войны, руководства подготовкой к войне и военными действиями, методов стратегического управления. Энциклопедический характер чужд нашему труду.

Особенно умышленная односторонность проведена в изложении политических вопросов, затрагиваемых в настоящем труде очень часто и играющих в нем крупную роль. Более глубокое исследование привело бы, вероятно, автора к слабому, банальному повторению тех сильных и ярких мыслей, которые с огромным авторитетом и убедительностью развиты в трудах Ленина и Радека, посвященных войне и империализму. Наша авторитетность в вопросах современного толкования марксизма, к сожалению, столь ничтожна и столь горячо оспарива-

ется, что попытка такого повторения, очевидно, была бы бесполезна. Поэтому при изложении связи между надстройкой войны и экономическим ее базисом мы решили рассматривать политические вопросы только с той стороны, с которой они рисуются военному специалисту; мы и сами отдаем себе отчет и предупреждаем читателя, что наши заключения по вопросам политического характера — хлебные цены, город и деревня, покрытие издержек войны и т.д. — представляют лишь один из многих мотивов, коими должен руководствоваться политик при решении этих вопросов. Это не ошибка, если сапожник критикует картину знаменитого художника с точки зрения нарисованного на ней сапога. Такая критика может быть поучительна даже для художника.

Нам удалось сохранить за нашим трудом довольно скромный объем путем отказа от подробного изложения военно-исторических фактов. Мы ограничились лишь ссылкой на них. Несмотря на такое сужение военно-исторического материала, наш труд является размышлением над историей последних войн. Мы отнюдь не предлагаем брать наших заключений на веру; пусть читатель присоединится к ним, внося, может быть, известные поправки, проделавши сам работу анализа над сделанными ссылками; истинно лабораторное изучение теории стратегии получилось бы, если бы кружок читателей взял на себя труд повторить авторскую работу — разделил бы между своими членами ссылки на различные операции и, продумав их, сравнил бы свои размышления и заключения с теми, которые предлагаются в настоящем труде. Теоретический труд по стратегии должен представлять лишь рамки для самостоятельной работы изучающего ее. История должна являться материалом для самостоятельной проработки, а не иллюстрирующими, часто подтасованными примерчиками для заучивания.

Многие, вероятно, не одобряют отсутствия в труде какой-либо агитации в пользу наступления и даже сокрушения: труд подходит к вопросам наступления и обороны, сокрушения и измора, маневренности и позиционности совершенно объективно: цель его — сорвать плод с древа познания добра и зла, посильно расширить общий кругозор, а не воспитывать мышление в каких-либо стратегических шорах. У него нет идеала — стратегического рая. Когда-то Виктор Кузен провозгласил подчинение философской истины моральной полезности. Многие стратегические доктринеры, образовавшие как бы секту наступления, отказавшиеся от объективного подхода к явлениям войны, веровавшие в победоносную силу принципов, правил, норм, стояли на той же точке зрения и не брезгли даже подтасовкой фактического материала для достижения воспитательного эффекта. Мы очень далеки от подобных взглядов. Мы не думаем, что стратегическая теория в какой-либо степени ответственна за наступательный импульс в армии. Последний ведет свое происхождение из совершенно других источников. Клаузевиц, провозгласивший оборону сильнейшей формой войны, не развратил германскую армию.

Мы отказались от погони за деталями и не давали правил. Изучение деталей является задачей дисциплин, сопрягающихся со стратегией, останавливающихся подробно на вопросах организации, мобилизации, комплектования, снабжения, стратегической характеристики отдельных государств. Правила в стратегии неуместны. Китайская пословица, правда, гласит о том, что разум создан для мудрецов, а закон для людей немудрых. Теория стратегии, однако, напрасно стремилась бы встать на такой путь и пыталась бы популяризировать свое изложение в виде уставных правил, доступных для лиц, не имеющих возможности самостоятельно углубиться в изучение стратеги-

ских вопросов и посмотреть в корень. В любом вопросе стратегии теория не может выносить жесткого решения, а должна апеллировать к мудрости решающего.

Из изложенного читатель отнюдь не должен делать вывод, что автор видит в своем произведении верх совершенства. Автору отчетливо рисуются недоговоренность и недостаточная углубленность разработки многих вопросов. В пределах той же серии вопросов можно было бы работать над настоящим трудом еще десятки лет. Так поступал Клаузевиц, не успевший за всю свою жизнь закончить свое исследование о войне, окончательно отредактировавший лишь первую главу, но создавший все же труд, который сохранит свое значение, частью, и во второе столетие своего существования. Такое капитальное углубление не отвечает условиям нашего времени. Эволюция идеи идет таким темпом, что, проработав десятки лет над углублением труда, можно больше отстать, чем нагнать ход развития. Нам кажется, что в известной мере настоящий труд отвечает существующей потребности в стратегическом обобщении; нам представляется, что, при всех своих несовершенствах, он все же может оказать помощь для уяснения современных особенностей войны и пригодиться лицам, готовящимся к практической работе в области стратегического искусства.

Только эти соображения и подвинули автора на издание настоящей книги. Далеко не во всех частях она, разумеется, оригинальна. Во многих местах читатель натолкнется на мысли, известные ему по трудам Клаузевица, фон дер Гольца, Блуме, Дельбрюка, Рагено, ряда новейших военных и политических мыслителей. Автор считал бесплодным пестрить текст непрерывным указанием первоисточников мыслей, органически улегшихся в данную работу и являющихся частью ее как логического целого.

ПРЕДИСЛОВИЕ К II ИЗДАНИЮ

В 1923 и 1924 гг. автору было поручено чтение курса стратегии. Результатом этой двухлетней работы явилась настоящая книга. Перед автором стояли две задачи. Первая — центр тяжести труда — заключалась во внимательном изучении последних войн, наблюдении той эволюции, которую пережило стратегическое искусство за последние 65 лет, исследовании определяющих эту эволюцию материальных предпосылок. Вторая задача состояла в том, чтобы вложить наблюденную действительность нашего времени в рамки определенной теоретической схемы, дать ряд широких сообщений, которые помогали бы углубить и осмыслить практические вопросы стратегии.

В настоящем, втором, издании автор во многих местах, расширив их, произвел уточнения и несколько развил военно-историческую основу своих заключений. Он добросовестно пересмотрел все многочисленные скопившиеся у него замечания критики — в виде ли печатных отзывов, или писем, составленных отдельными кружками, рецензий, указаний, одобрений и порицаний видных и невидных военных и политических деятелей. Поскольку он мог понять и усвоить точку зрения критики, он воспользовался сделанными замечаниями и приносит свою

благодарность за оказанное настоящему труду внимание. В общем, представления автора об эволюции стратегии почти не оспаривались, но терминология его, в особенности определения категории сокрушения и измора, встретила различные толкования и контропредделения.

В спорных вопросах автор развивает и дополняет в настоящем издании свою прежнюю точку зрения. Он не может согласиться с другими намечавшимися границами между сокрушением и измором; наиболее проработанная критикой точка зрения заключалась в том, что война складывается на измор, если центр тяжести ее лежит на экономическом и политическом фронтах, и на сокрушение — если центр тяжести войны переносится на действия вооруженного фронта. Это неверно, так как грань между сокрушением и измором нужно искать не вне, а внутри вооруженного фронта. Понятия о сокрушении и изморе распространяются не только на стратегию, но и на политику, и на экономику, и на бокс, на любое проявление борьбы, и должны быть объяснены самой динамикой последней.

Некоторые трудности возникают из того, что не мы изобрели эти термины. Развившийся заключенные в них понятия профессор Дельбрюк видел в последних средство исторического исследования, необходимое, чтобы осмыслить военно-историческое прошлое, которое не может быть понято в одном разрезе, а требует при оценке фактов войны прилагать то масштаб сокрушения, то масштаб измора, в зависимости от эпохи. Для нас же эти явления живут в настоящем, соединились в одной эпохе, и мы не усматриваем возможности, обходясь без соответствующих им понятий и терминов, построить какую-либо теорию стратегии. Мы не ответственны за чуждое нам толкование сокрушения и измора.

Мы считаем себя связанными в определении категории сокрушения блестящей характеристикой Клаузевица;

жалка была бы попытка заменить яркое, сочное, богатое следствиями и выводами определение сокрушения другим, смягченным понятием полусокрушения, измористого сокрушения, не дающим никаких следствий и выводов, под тем предлогом, что сокрушение в чистом виде в настоящее время неприменимо. Мы охотнее идем обратным путем, заостряем сокрушение до предела, который едва ли полностью осуществлялся даже реальной наполеоновской стратегией, а является, скорее, ее идеализацией.

Мышление предшествующих теоретиков стратегии было связано почти исключительно с предельным сокрушением; для соблюдения логики сокрушения излагался принцип частной победы, разыскивались решительные пункты, отрицались стратегические резервы, игнорировалось воссоздание военной мощи в течение войны, и т.д. Это обстоятельство и делает стратегию сокрушения как бы стратегией прошлого и в силу контраста выставляет автора, стремящегося к полной объективности, но резко разрывающего со своими предшественниками, каким-то любителем измора. Деление на сокрушение и измор в наших глазах не является средством классификации войн. Вопрос о сокрушении и изморе, в том или другом их виде, дебатировался уже третье тысячелетие. Эти абстрактные понятия лежат вне эволюции. Цвета спектра не эволюционируют, тогда как краски предметов линяют и меняются. И разумно, что мы оставляем известные общие понятия за бортом эволюции, так как это — самое лучшее средство осознать самую эволюцию. Заставлять сокрушение эволюционировать к измору вместо признания, что эволюция идет от сокрушения к измору, — мы не видим ни малейшего смысла.

ВВЕДЕНИЕ

Стратегия в ряду военных дисциплин

Классификация военных дисциплин. Военное искусство, понимаемое в широком смысле, охватывает все вопросы военного дела; оно включает в себя: 1) учение об оружии и других технических средствах, которыми ведется вооруженная борьба, а также учение об устройстве оборонительных сооружений; 2) учение о военной географии, оценивающее средства, имеющиеся в различных государствах для ведения вооруженной борьбы, изучающее классовую группировку населения и его исторические, экономические и социальные устремления и исследующее возможные театры военных действий; 3) учение о военной администрации, исследующее вопросы организации вооруженных сил, аппарат их управления и методы снабжения, и, наконец, 4) учение о ведении военных действий.

Еще в эпоху Великой французской революции военнотехнические вопросы, отнесенные нами к первой рубрике, представляли основное содержание, вкладываемое в понятие военного искусства. Искусство ведения военных действий представляло область, на которой лишь немногие историки войн останавливали свое внимание;

только формальная его часть, охватывающая элементарные уставные вопросы — о строях, перестроениях, боевых порядках — анализировалась в курсах тактики как предмет ежедневных упражнений войск.

В Новейшее время вопросы, относящиеся к ведению военных действий, значительно осложнились и углубились. Ныне нельзя рассчитывать вести сколько-нибудь успешно войну против подготовленного врага, если командный состав не будет заблаговременно подготовлен к решению тех задач, которые встанут перед ним с началом военных действий. Эта часть военного искусства настолько теперь расширилась и получила столь самодевулюющее значение, что под военным искусством в тесном смысле мы разумеем в настоящее время именно искусство ведения военных действий.

Искусство ведения военных действий не делится какими-либо гранями на вполне самостоятельные, резко очерченные отделы. Оно представляет одно целое, к которому относится и постановка задач для действий фронтов и армий, и вождение небольшого разъезда, высланного для разведки врага. Однако изучение его в целом представляет крупное неудобство. Такое изучение породило бы опасность, что не всем вопросам будет уделено надлежащее внимание; мы могли бы усвоить себе подход к основным, крупным вопросам войны с точки зрения мелочных требований, или, наоборот, могли бы слишком свысока, обобщенно подходить к изучению боевых действий мелких частей, и от нашего внимания укрылись бы чрезвычайно существенные в своей сумме подробности. Поэтому вполне разумным является деление искусства ведения военных действий на несколько отдельных частей, при условии, что мы не будем упускать существующую между ними тесную связь и не будем забывать некоторой условности такого деления. Наше

деление следует провести так, чтобы, по возможности, не раздроблять между различными отделами вопросы, подлежащие решению по одинаковым соображениям. Мы замечаем, что искусство ведения военных действий естественнее всего распадается на искусство ведения войны, ведения операции и ведения боевых действий. Требования, предъявляемые современным боем, современной операцией и войной в целом, представляют три сравнительно определенных ступени, в соответствии с которыми естественнее всего и обосновать классификацию военных дисциплин.

Тактика. Тактическое искусство теснее других частей военного искусства связано с боевыми требованиями. Боевые требования, при данном состоянии техники, данных культурных условиях государств, ведущих войну, и театра, на котором война ведется, и при данном напряжении войны, — представляют известное целое; исходя из действительности современного поля сражения, тактика оркеструет отдельные технические действия в одно цельное ведение боя; в связи с боевыми требованиями тактика стремится рационализировать всю военную технику, устанавливает критерий для организации, вооружения и воспитания войск, для совершения войсками походных движений, для расположения их на отдых, разведки и охранения. Теория тактики есть не что иное, как технические вопросы (понимая под таковыми и технику походных движений и проч.), рассматриваемые не порознь, а в совокупности, с точки зрения создаваемых ими ныне в целом условий современного боя¹.

¹ Тогда как стратегия преследует цели, тактика разрешает задачи. Под целью мы подразумеваем сравнительно крупный объект, от которого нас отделяет известный путь; достижение одной цели требует разрешения нескольких задач; задачи перед нами вырастают в непосредственной близости

Определяя существо тактики как приспособление техники к боевым требованиям, мы значительно стесняем пределы тактики по сравнению с существовавшими ранее определениями. В основе старых определений лежало представление о большом сражении, искусство ведения которого относилось к области тактики. Больших сражений фактически теперь не существует; боевые действия раздробляются во времени и пространстве на ряд отдельных боев, слагающихся в операцию, исследование коей не может быть предметом тактики. Последняя должна остановить свое внимание лишь на отдельном бое, который вытекает из развертывания войск, движущихся по одной дороге; таким образом, тактика не может задаваться исследованием действий организационных соединений, превосходящих дивизию, но изучение работы в пределах дивизии является необходимым, так как дивизия представляет самое малое организационное соединение, в котором с достаточной полнотой представлены различные роды войск и различная техника. Изучая действия меньших частей, например, пехотного полка, мы постольку будем оставаться на почве тактики, поскольку не будем забывать, что бой представляет не единоборство пехоты, а комбинированную работу всей нашей техники против всей техники противника.

Оперативное искусство. Тактическое творчество, в свою очередь, регулируется оперативным искусством. Боевые действия являются не чем-то самоудовлетворяющим, а лишь основным материалом, из которого

сти, имеют преимущественно злободневный характер. Этим мы хотим подчеркнуть, что сущность стратегии связана с перспективой во времени, тогда как тактика во времени почти не имеет измерения; если она и разделяет ведение боя на определенные фазы, то они очень близки и скоро следуют одна за другой.

слагается операция. Лишь в очень редких случаях можно рассчитывать одним приемом достигнуть окончательной цели военных действий. Нормально этот путь к конечной цели распадается на ряд операций; последние разделяются во времени более или менее значительными паузами, слагаются на различных участках территории театра войны и особенно резко различаются между собой вследствие различия промежуточных целей, к достижению которых временно устремляются усилия войск. Мы называем операцией такой акт войны, в течение которого усилия войск без всяких перерывов направляются в определенном районе театра военных действий к достижению определенной промежуточной цели. Операция представляет конгломерат весьма различных действий: составление плана операции, материальная подготовка, сосредоточение войск в исходное положение, возведение оборонительных сооружений, выполнение маршей, ведение боев, ведущих либо непосредственным охватом, либо путем предварительного прорыва к окружению и уничтожению части неприятельских войск и к оттеснению других частей, к выигрышу или удержанию за нами определенного рубежа или географического района. Материалом оперативного искусства являются тактика и администрация; успех развития операции зависит как от успешности разрешения войсками отдельных тактических вопросов, так и от обеспечения их всем материальным снабжением, необходимым для бесперебойного проведения операции до достижения цели последней. Оперативное искусство, исходя из цели операции, выдвигает целый ряд тактических задач и ставит ряд заданий для деятельности тыловых органов. Оно не может безразлично пользоваться любыми тактическими средствами. В зависимости от имеющихся материальных средств, от времени, которое может быть уделено для

разрешения различных тактических заданий, от сил, которые могут быть развернуты для боя на определенном фронте, и, наконец, от характера самой операции — оперативное искусство диктует тактике основную линию ее поведения. Мы не можем признать полного господства над нашей волей объективно существующих условий поля боевых действий. Боевые действия — это только часть высшего целого, представляемого операцией, и характер наших боевых действий должен быть подчинен характеру намеченной операции. Нивель в апреле 1917 г. и Людендорф в марте 1918 г., решаясь предпринять на Западном фронте прорыв с целью сокрушения неприятельского позиционного фронта, стремятся изменить самым резким образом и тактику своих войск в соответствии с характером намеченных операций.

Стратегия как искусство. Выигрыш отдельной операции не является, однако, последней целью, преследуемой при ведении военных действий. Немцы выиграли в течение мировой войны много операций, но проиграли последнюю, а с ней и всю войну. Людендорф, показавший выдающиеся достижения в оперативном искусстве, не сумел так сочетать ряд своих оперативных успехов, чтобы добиться хотя бы малейших положительных достижений при заключении Германией мира; все его успехи в конечном счете никакой услуги Германии не оказали.

Стратегия — это искусство комбинировать подготовку к войне и группировку операций для достижения цели, выдвигаемой войной для вооруженных сил. Стратегия решает вопросы, связанные с использованием как вооруженных сил, так и всех ресурсов страны для достижения конечной военной цели. Если оперативное искусство должно учитывать возможности, представляемые фронтовым тылом, то стратег должен учитывать весь

тыл — свой и противника, — представляемый государством, со всеми его политическими и экономическими возможностями. Стратег будет действовать успешно, если он правильно оценит характер войны, находящийся в зависимости от разнообразных экономических, социальных, географических, административных и технических данных.

Стратегия не может безразлично относиться к оперативному искусству. Характер войны, с которым сообразуется стратег, не должен оставаться понятием отвлеченным и оторванным от войсковой деятельности. Стратег должен подчинить своему пониманию возможного характера войны реальные формы предпринимаемых нами операций, их размах и напряжение, преследуемые ими цели, их последовательность и относительное значение, придаваемое им. Отсюда является необходимость для стратега — диктовать основную линию поведения оперативному искусству и, в случае чрезвычайного значения, придаваемого основной операции, даже сосредоточивать в своих руках непосредственное руководство ею.

Но, подобно тактике и оператору, и стратег не является совершенно независимым в своей области. Как тактика является продолжением оперативного искусства, а оперативное искусство — стратегии, так и стратегия является продолжением, частью политики. Война является не самодовлеющим явлением, а лишь надстройкой над мирной жизнью народов. Война предпринимается в определенных политических целях и в главных своих чертах определяется, как мы увидим ниже, политикой. Вытекающим отсюда взаимоотношениям между политикой и стратегией посвящается особая часть нашего исследования.

Весьма часто мы встречаем термины: стратегия воздушного флота, морская стратегия, стратегия коло-

ниальной войны и т.д. Такая терминология, очевидно, основана на недоразумении. Мы можем говорить лишь о морском оперативном искусстве, поскольку вооруженные силы на море получают самостоятельную оперативную цель; то же мы можем сказать и о воздушном флоте, с еще большими оговорками; ввиду тесной связи между действиями воздушных сил, сухопутной армии и флота предметом оперативного искусства воздушного флота могут являться лишь самостоятельно предпринимаемые им бомбардировочные операции; но, поскольку таковые действия пока самостоятельного значения не имеют, а являются одним, хотя бы и довольно существенным, слагаемым общей операции, то мы должны и бомбардировочные, равно как разведочные и боевые, действия воздушного флота рассматривать только как часть общего оперативного искусства. О стратегии же здесь говорить не приходится — это явное злоупотребление термином. Точно так же не может быть и стратегии колониальной войны — речь может идти лишь об особенностях стратегического искусства при борьбе империалистического государства с неравносильным, отсталым технически и культурно противником в обстановке колониального театра войны.

Стратегия как теория искусства. Стратегия как практическое искусство, представляющее важнейшую часть полководческой деятельности, существует с тех доисторических времен, когда человеческие общества начали вести войны. Но разработка теории стратегии началась лишь 150 лет тому назад, одновременно с научным приступом к разработке политической экономии. Ровесник Адама Смита, получивший с ним одинаковое образование, англичанин Ллойд, служивший в австрийской, прусской и русской армиях, приступил на основе опыта Семилетней войны к разработке вопросов, резко выхо-

дивших из пределов обычного тактического кругозора военных. Труды его открывают новейший период развития военной мысли, уже давший ряд глубоких исследований по стратегии, характеризующихся, однако, или незаконченностью, или односторонностью мышления. Много времени и внимания было затрачено на вопрос, представляет ли стратегия науку или теорию искусства. Ответ зависел, в существенных чертах, от размера требований к науке, характеризующего наше представление о ней. Клаузевиц, Вилизен, Блуме, рассматривавшие стратегию как искусство, исходили из требования аподиктической (неоспоримой) точности, предъявлявшегося Кантом к «собственно науке». Неоспоримой точности выводы военной теории не представляют. Но уже Кант допускал именовать наукой любую систематическую теорию, охватывающую особую область, познание коей упорядочивается по известным основам и принципам. Такие теории являлись как бы науками второго разряда. Чтобы причислить к их числу и стратегию, многие выдающиеся стратегические писатели уделяли особое внимание утверждению наличности вечных, неизблемых принципов стратегии, на которых они строили свои труды. В настоящее время наши взгляды на науку стали значительно шире. Мы склонны понимать под наукой всякую систему знаний, облегчающую нам понимание жизни и практики. Под такое широкое определение науки, несомненно, подходит теория всего военного искусства, в том числе и стратегия.

Отношение теории к практике. Практика стратегии, бесспорно, не представляет отрасли научной деятельности, а образует область приложения искусства. Теория же стратегии должна представлять систематизированные знания, облегчающие нам понимание явлений войны.

Но если человеческие общества в течение тысячелетий могли осуществлять на практике стратегическое искусство, не имея представления о теории стратегии, о стратегической науке, то не свидетельствует ли это о том, что последняя представляет излишний, надуманный, бесплодный балласт, плод интеллектуалистических увлечений нашего века? Мы этого не думаем. Если вообще бытие определяет сознание, то в некоторых сложных областях практики сознание отстает на целые века от жизненных достижений. Существуют правила и законы речи, из которых складывается наука грамматики; существуют известные экономические отношения, из которых складывается наука политической экономии — своего рода экономическая грамматика; наконец, существуют известные законы мышления, его грамматика — логика. Но не видим ли мы правильную речь, предшествующую изучению грамматики; не усматриваем ли мы в историческом прошлом экономической политики, отвечающей определенным экономическим интересам, задолго до рождения политической экономии; не встречаем ли мы здравомыслящих людей, никогда не проходивших курса логики? Точно так же и на войне — не только в отдаленном прошлом, но и в очень недавние времена гражданской войны мы могли наблюдать решения весьма сложных вопросов стратегического искусства, не находившиеся в какой-либо связи с предварительным изучением теории стратегии. Но мы не делаем из этих фактов заключения о желательности исключения грамматики из программы общеобразовательной школы. Мы находим, что каждый ответственный государственный деятель должен обладать хотя бы элементарными сведениями из политической экономии. Не отрицая права на самостоятельное мышление со стороны лиц, не изучавших логику, мы непременно включим ее в программу образования

лиц, стремящихся выступить с самостоятельной критикой философско-экономических доктрин. Знакомство с грамматикой, политической экономией, логикой, стратегией может предохранить нас при работе в соответственной области от многих ошибок и позволяет быстро схватывать отношения, разгадка коих иначе потребовала бы от нас многих усилий и, может быть, даже вовсе не далась бы нам.

Приведенные соображения было бы ошибочно толковать как сравнение теории стратегии с чем-то вроде теории красноречия, о которой как раз самые красноречивые ораторы не имеют никакого представления. Действительное знание не может быть нейтральным; если оно ничего не может изменить в нашей системе действий, то, следовательно, оно лишено какого бы то ни было содержания. Если, переходя к практике, следует забывать о теориях, чтобы вырабатывать решение не книжное, а вырастающее из условий данного частного случая, то эта работа мышления становится плодотворной лишь благодаря точкам зрения, усвоенным предыдущими размышлениями и теоретическими занятиями.

Уже в эпоху Наполеона резко сказывалась недостаточная теоретическая подготовка его маршалов, в особенности при том крупном масштабе, который приняла война в 1813 г. Маршалы Наполеона, частью вышедшие из бедных классов, не все имели достаточное общее образование; переходя в течение 20 лет с одного поля сражения на другие, они получили превосходную тактическую подготовку. Они мастерски умели найтись в трудной обстановке, не теряли способности мыслить под неприятельским огнем, знали, как целесообразно организовать работу 20–30 тыс. солдат на поле сражения для достижения указанных Наполеоном целей. Но, как государственная мудрость не изучается бюрокра-

том, десятки лет работающим в присутственные часы в своем отделе, так и искусство стратегии не постигается ни участием во многих походах, ни наблюдением многих батальных картин. Когда наполеоновским маршалам приходилось выступать в роли самостоятельных руководителей операциями, они, за немногими исключениями, представляли как бы людей, бродящих в потемках, неясно понимающих свою задачу и возможные методы ее решения и потому действующих нерешительно. Более образованные генералы коалиции, боровшейся с Наполеоном, значительно уступавшие маршалам в тактике, оказывались сильнее их в стратегии. Один из талантливейших революционных генералов, Клебер, за которым Наполеон признавал наибольшие природные дарования, предсказывал крушение многих революционных карьер: «Не так трудно заслужить военную репутацию, как ее сохранить, и теория, которая всегда хочет идти в ногу с опытом, рано или поздно, отомстит за себя, если ее слишком игнорировать»¹.

За последнее столетие ведение войны значительно осложнилось, и недостаточная теоретическая подготовка ныне будет сказываться еще чувствительнее. Очень симптоматичен пример наиболее выдающегося стратега посленаполеоновской эпохи — Мольтке. Он получил скудное первоначальное образование в датском кадетском корпусе, едва ли превышавшее объем знаний, даваемых ныне школой первой ступени. После отбытия ценза командования ротой он больше не соприкасался со строем. Его любознательность направлялась, казалось, совершенно в сторону от непосредственно связанных с войной вопросов. Когда Мольтке был выдвинут на пост начальника генерального штаба, это был прусский

¹ Revue d'Histoire. 1/VIII. 1911. С. 197.

генерал, чрезвычайно отставший от военной жизни, но зато представлявший настоящего ученого, очень компетентного в географии, в древнейшей истории Рима, в филологии, в политике, стоявший в курсе культурной и экономической эволюции Европы. И этот почти штатский человек, по прихоти случая поставленный во главе прусского генерального штаба, сумел разгадать дух новой стратегии. Не он, конечно, создал переворот в военном искусстве; творчество стратега ограничивается опознанием требований эволюции военного искусства, развивающегося помимо воли отдельных личностей, и пониманием средств, необходимых в данный момент. Но уже подход Мольтке с новой меркой к стоявшим на очереди стратегическим задачам явился крупным шагом на пути подготовки побед 1866 и 1870 гг. Изучая карьеру Мольтке-старшего, получаешь представление, что его позиция наблюдателя армии со стороны, давшая ему возможность углубиться во многие вопросы и умственно расти, чего часто лишены перегруженные работой практические деятели, и обусловила превосходство его мышления после достижения им шестидесятилетнего возраста. Правда, Мольтке был исключительный человек. Драгомиров характеризовал его в 1866 г. так: «Генерал Мольтке принадлежит к числу тех сильных и редких людей, которым глубокое теоретическое изучение военного дела почти заменило практику»¹.

Мы ссылаемся на мнение М. И. Драгомирова, так как последний отнюдь не является особым поклонником теории в ущерб практике. Еще яснее точка зрения Драгомирова на теорию выявляется в его характеристике Бенедика, выдающегося практика. «Личная его энергия не

¹ Драгомиров М. Очерки Австро-Прусской войны в 1864 г. С.-Петербург, 1867. С. 67.

подлежит сомнению; он незаменимый человек для того, чтобы устремить войска в бой для достижения указанной цели; но он едва ли способен сам себе ее поставить. Одним словом, будучи замечательным тактиком, Бенедек нисколько не стратег. Неохотно отправляется он в Богемию, ибо не знал, как он говорил, ни театра войны, ни неприятеля, с которым предстояло драться. Эти причины наводят на мысль, что едва ли Бенедек имеет теоретическую подготовку к военному делу: сила его заключается в практической рутине, приобретенной на итальянском театре войны. Там он, вероятно, показал бы себя блистательно и в эту кампанию. Недостаток теоретической подготовки едва ли не лучше всего объясняет нерешительность и слабость Бенедека в стратегических комбинациях, ибо в практическом знании дела и в личной решительности у него недостатка не было»¹.

Стратегия, как искусство военных вождей. Стратегия — искусство полководцев, по преимуществу искусство тех лиц, которые призваны решать основные проблемы, выдвигаемые обстановкой войны, и передают свои стратегические решения для исполнения оперативному искусству. Стратегия — это искусство всего высшего командного состава армии, так как не только командующий фронтом и командующий армией, но и командир корпуса не сумеет справиться со своими оперативными задачами, если у него не будет ясного стратегического мышления. Во всех случаях, когда оперативному искусству предстоит сделать выбор между двумя оперативными альтернативами, оператор не найдет оправдания того или иного оперативного метода, оставаясь в пределах оперативного искусства, а должен подняться в стратегический этаж мышления.

¹ Драгомиров. Указ. соч. С. 86.

Тогда как тактика живет решениями, требуемыми моментом, и вся тактическая работа отличается крайней злободневностью, стратегия начинается там, где виднеется ряд последовательных целей — этапов к достижению конечной цели войны. Стратегия должна широко заглядывать вперед и учитывать будущее в очень широкой перспективе. Стратег шагает операциями; эти шаги стратегии растягиваются во времени на несколько недель и даже месяцев. Стратег должен глубоко учесть обстановку и возможные ее изменения, чтобы не менять основ своей директивы, когда операция достигнет лишь начала своего развития. Стратег должен быть дальнзорким, чтобы оперативное и тактическое искусство могли работать планомерно. Немцы до мировой войны считали, что, благодаря Клаузевицу, остающемуся для других армий непонятным, они обладают монополией стратегической дальнзоркости. Дальнзоркость возможна лишь при условии широкого идейного кругозора; можно легко указать целый ряд тактиков, бывших умственно ограниченными людьми, но выдающихся стратегов в числе последних мы не найдем. Каждый вождь, указующий путь, является хотя бы отчасти пророком.

Неизмеримо значение правильно указанной и реально очерченной цели для деятельности человеческих масс. Стихия разрозненных действий, общий разброд в результате непланомерности, перекрещивание намерений, взаимно уничтожающиеся усилия — все это исчезает, когда устанавливается общий уклон к намеченной вождем цели. Действия упорядочиваются, сливаются в небольшие ручьи, текущие по уклону к цели и создающие в результате одно обширное течение; усилия всех и каждого во всех вопросах как бы самостоятельно и естественно устремляются в указанном направлении. Указание верной цели обуславливает бурный поток мыслей и воли...

Ответственные политические деятели должны быть знакомы со стратегией. Изучение стратегии требуется не только для высшего командного состава армии. Стратег, дающий директивы инстанциям, непосредственно руководящим операциями, должен отдавать себе ясный отчет в тех пределах, которые являются достижимыми для оперативного искусства с наличными средствами, и обладать острым оперативным и тактическим глазомером, чтобы ставить действия своих войск в возможно выгодные условия. Точно так же и политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать себе отчет в том, что достижимо для стратегии при имеющихся у нее средствах, и как политика может повлиять на изменение обстановки в лучшую или худшую сторону. Стратегия является одним из важнейших орудий политики; политика и в мирное время в значительной степени должна основывать свои расчеты на военных возможностях дружественных и враждебных государств. Бисмарк не мог бы так авторитетно руководить политикой Пруссии, если бы не отдавал себе глубокого отчета в положении на театре войны¹.

Обязательность знакомства со стратегией для всего комсостава. Для достижения дружной работы огромных масс на тянущихся на сотни верст фронтах необходима серьезная стратегическая подготовка частных начальников. Эта истина была несколько забыта во время позиционного периода мировой войны, благоприятствовавшего развитию крайней централизации управления. Командирам корпусов в обстановке маневренной войны сплошь и рядом приходится принимать

¹ Например, при мирных переговорах с Австрией в августе 1866 г. под угрозой вступления в войну Франции.

ответственные решения, дающие операции тот или иной стратегический уклон.

16 августа 1870 г. III прусский корпус генерала Альвенслебена вышел на большую дорогу Мец–Верден; армейское командование, направляя III корпус, полагало, что он выйдет на дорогу уже после отхода к Вердену из Меца армии Базена и будет следовать за ее хвостом. В действительности же генерал Альвенслебен оказался не за хвостом французской армии, а перед ее головой, и загородил ей дорогу. Альвенслебен, несмотря на возможность получения в течение дня поддержки только со стороны одного (X) корпуса, решил вступить в бой (сражение при Марс-ла-Туре) со всей французской армией, насчитывавшей 5 сильных корпусов. Это ответственное решение, имевшее результатом пленение впоследствии армии Базена в Меце, могло быть принято лишь на основании стратегической оценки обстановки.

Приведем еще более убедительный пример. В промежутке между пограничным сражением и операцией на Марне из состава сводной кавалерийской дивизии армии Манури был выдвинут сильный разъезд капитана Лепик, постепенно отходивший перед наступавшими правофланговыми колоннами германской армии Клука. В 11 ч. 30 м. 31 августа 1914 г. капитан Лепик, находясь к северо-западу от Компьена, с удивлением заметил, что огромные колонны немцев, вместо того, чтобы продолжать движение в южном направлении, на Эстре–Сен-Дени, свернули на Компьен. Это удивление, по-видимому, не отразилось ни на характере донесения капитана Лепика, ни на участи его: донесение пошло нормальным образом, со включением его в разведывательные сводки. Между тем, если простейшим образом стратегически осмыслить явление, наблюдаемое капитаном Лепиком, то становится совершенно ясным, что

немцы отказываются включить Париж в район своего охвата и устремляются всеми силами в промежуток Верден–Париж, подставляя свой правый фланг под удары из Парижа. Высшее французское командование усвоило эту истину только через 80 часов, к вечеру 2 сентября; а между тем она имела колоссальное значение, давая все предпосылки для комбинирования победы на Марне. Если бы капитан Лепик и все инстанции, по которым направились блуждать его донесения, были стратегически лучше подготовлены, то, возможно, планомерную подготовку к операции на Марне французское командование смогло бы начать на двое суток раньше, вечером 1 сентября; потеря 40 часов дорогого времени не всегда пройдет даром. Сколько ценнейших донесений летчиков и разведывательных данных не было использовано нами в мировую войну вследствие известной стратегической тупости начальников и штабов! Вспомним хотя бы богатые разведывательные данные, которые мы имели во время Самсоновской операции — хотя бы о сосредоточении 1-го германского корпуса, и которые не были учтены ни армейским, ни фронтовым командованием.

В гражданскую войну, иногда при недостаточных средствах связи, часто при недостаточной авторитетности управления, решения частных начальников могли играть в области стратегии крупную роль. В неудаче варшавской операции 1920 г. стратегическая немощь имела большое значение. Стратегические ошибки заметны в работе всех инстанций. Достаточно сравнить действия 16-й красной армии 15–18 августа 1920 г. с действиями германской армии Клука 5–7 сентября 1914 г., чтобы установить, несомненно, меньшую стратегическую восприимчивость красного командования по сравнению с немецким. Действия Клука отнюдь не безгрешны, но мы видим две армии, над которыми навис фланговый удар — и массивная, огром-

ная армия Клука даже с излишней щекотливостью делает огромный скачок назад, поворачивается и всеми своими силами отбивает удар французов, а наша 16-я армия пассивно следит, как одна за другой ее дивизии, взятые во фланг, уничтожаются противником, действия которого еще 13 августа 1920 г. можно было совершенно ясно предвидеть.

Мы будем еще иметь случай подчеркнуть, что Красная армия более всякой другой нуждается в уделении серьезного внимания вопросам стратегии. Между тем в иностранных армиях признается необходимым широкое распространение в армии здоровых стратегических идей. Эрцгерцог Карл уже в 1805 г. счел необходимым издать стратегическое наставление для австрийского генералитета¹; Мольтке последовал его примеру в 1869 г.; перед мировой войной германская и французская армии располагали наставлениями для высшего комсостава, в Англии в 1920 г. была издана часть 2-я полевого устава, имеющая аналогичное значение; соответственная работа ведется и в Красной армии. Правда, эти уставы по преимуществу имеют оперативный, а не стратегический характер, и стратегия, по самой природе своей, сопротивляется кодификации ее положений в уставном порядке. Но необходимость усилий по поднятию уровня стратегического мышления комсостава всюду является признанной.

Изучение стратегии лишь небольшим кругом комсостава, например, генеральным штабом, ведет к созданию «стратегической касты»; изолированное положение стратегии толкает ее на путь ученого педантизма, отрывает от практики, создает в комсоставе крайне нежелательный разрыв по стыку стратегов и тактиков, уничтожает вза-

¹ Стратегия в трудах военных классиков. Т. II. С. 69–84.

имное понимание между штабами и строевыми частями. Стратегия не должна являться латынью, делящей армию на посвященных и непосвященных!

Приступ к изучению стратегии должен относиться к началу серьезных занятий военным искусством. Необходимость изучения стратегии всем командным составом армии вытекает из того, что нельзя откладывать изучение стратегии до момента выдвижения на ответственный полководческий пост. Стратегия относится к числу тех дисциплин, преуспевание в которых находится в очень слабой степени от запоминания наставлений, делаемых с кафедры, от усвоения логических построений, заключающихся в стратегических учебниках. Иллюзорным является единство доктрины, базирующееся на единстве стратегических инструкций. В стратегии центр тяжести заключается в выработке самостоятельной точки зрения, что, прежде всего, требует серьезной самостоятельности. Нужно освоиться уже в начале военной службы со стратегическими вопросами и под их углом зрения изучать военно-историческое прошлое, оценивать пережитые лично военные события и рассматривать современную эволюцию военного дела¹. Изучение стратегии должно являться задачей каж-

¹ Моды идут из Парижа; поэтому всюду, в особенности после конечного военного успеха Франции, находятся поклонники французской системы высшего военного образования и программ Парижской военной академии, в которой стратегия почти отсутствует. Мы рекомендуем интересующимся ознакомиться с трудами: *Cordonnier. La méthode dans l'étude de stratégie*, и в особенности *Raguéneau. Les études militaires en France* (1913 г.). Рагено рассматривает французскую академию как школу первой степени вследствие недостаточности стратегической подготовки. Фош тщетно пытался в 1910 г. изменить ее характер, введя, по русскому образцу, третий дополнительный курс специ-

дого, рассчитывающего принять ответственное участие в войне. Армия, стремящаяся преодолеть свойственную ей тяжеловесность маневрирования, не должна делать занятия стратегией уделом немногих военных мыслителей. Стратегической мысли должно быть отведено широкое место на полевых поездках и военной литературе, на докладах военно-научных обществ. Военной истории необходимо сделать значительное усилие, чтобы перейти от так называемых «стратегических очерков», представляющих изложение в самых крупных чертах внешнего хода событий, к действительно углубленной критике важнейших решений, принятых на войне.

Задача курса стратегии. Задача курса стратегии не в том, чтобы исчерпать сколько-нибудь полно почти беспредельную область этой дисциплины, а в том, чтобы начерно подготовить почву для дальнейшей самостоятельной работы мысли, указать направления, в которых она должна развиваться, создать условия для упорядочения отдельных усилий. Особенно важным преподавание стратегии в высших военно-учебных заведениях является в нашу переходную эпоху, когда не только Европа, но и весь земной шар начинает обрисовываться, как совершенно новый стратегический ландшафт, когда военное искусство во многих отношениях переходит к новым методам и приемам ведения войны и в обстановке назревающих социальных потрясений приобретает новые формы.

ально для изучения стратегии. Рагено красноречиво доказывает невозможность развить подготовку по стратегии, опираясь только на курсы усовершенствования высшего состава. Бональ (*Bonnal. Méthodes de commandement, d'éducation et d'instruction*) точно так же доказывает необходимость совершенно различной подготовки к строевому и высшему командованию.

Настоящий труд ставит себе скромную задачу — явиться только напутствием к самостоятельной стратегической работе, помочь читателю занять исходное положение и дать ему несколько широких перспектив, чтобы содействовать скорейшему выходу стратегического мышления из закоулков и тупиков на прямую дорогу. В этой работе мы стремимся наметить основные вехи стратегической современности; мы предполагаем знакомство читателя с предшествующей эволюцией военного дела.

Военная история. История военного искусства является совершенно необходимым введением к настоящему труду; без такого введения мы рискуем остаться совершенно непонятыми. Не остановив предварительно своего внимания на важнейших военных явлениях истории, не омеблировав своего мышления рядом военно-исторических фактов, мы подвергаемся опасности заблудиться в абстрактных положениях теории стратегического искусства; польза, которую мы из нее извлечем, будет пропорциональна тому опыту и военно-историческому багажу, которым мы располагаем, приступая к занятиям по стратегии.

Критика и опыт должны идти рука об руку. Изучение стратегии малопродуктивно без военно-исторических знаний, но сознательная работа мысли над военной историей становится, в свою очередь, возможной лишь на основе определенного стратегического кругозора. Ведь в военной истории одно запоминание фактов может, в лучшем случае, дать нам представление лишь об известных шаблонах, когда-то существовавших при ведении военных действий. И в военной истории ценность представляет, главным образом, самостоятельная работа. Как ни трудно сделать серьезную самостоятельную стратегическую оценку какого-либо важного момента в воен-

ной истории, охватывающую реальную действительность в целом, эта работа по отношению к историческому прошлому все же легче, чем на войне, в обстановке сегодняшнего дня. Все содержание стратегии представляет, по существу, размышление над военной историей. И стратегия, по завету Клаузевица, должна избегать перехода от формы размышления к жесткому руслу точно отчеканенного учения из правил, выводов и заключений. Русский военный историк обычно стремится вслед за фактическим изложением событий развернуть свои выводы и заключения, часто весьма ограниченного размаха и глубины. Историк школы Клаузевица, изложив факт, переходит к размышлению над ним (*Betrachtung*). Различие между терминами — **в ы в о д**, с одной стороны, и **р а з м ы ш л е н и е** — с другой, отражает и различное понимание отношений теории к реальному бытию.

Вопросы военной истории особенно близки для лица, занимающегося стратегией, так как по своему методу стратегия представляет лишь систематизированное размышление над военной историей. Отрыв от исторической почвы так же опасен для стратега, как и для политика: ввиду многочисленности действующих факторов и сложности связывающих их отношений теоретический, умозрительный подход, не улавливающий всех данных, необходимых для правильного решения, часто может привести к грубейшим ошибкам. В стратегии, как и в политике, курица часто высиживает утят — последствия оказываются вовсе не похожими на породившие их причины. Например, все стратегические писатели до мировой войны считали, что железные дороги — фактор, ускоряющий развитие военных действий, придающий им с самого начала решительный характер, обуславливающий применение исключительно стратегии сокрушения. При этом всеми упускалось из виду

уравновешивающее влияние железных дорог, которые помогают обороне, задерживают оторвавшегося от них наступающего, позволяют заштопывать прорывы на фронте, облегчают возможность использования на фронте всех сил государства. В результате ускоренный способ передвижения по железным дорогам в мировую войну высадил утенка — неподвижный позиционный фронт и стратегию измора.

К сожалению, современное состояние военной истории не удовлетворяет самых скромных пожеланий стратегии. Непропорционально сильное развитие первой части настоящего труда — об отношениях политики и стратегии — обусловлено той научной пристрастией, в которой находится у нас военная история¹. Мы вовсе не имеем истории войн; в лучшем случае так называемая военная история представляет только оперативную историю. С тех пор, как произошло разделение военной истории на историю военного искусства и историю войн, широкие точки зрения стали достоянием первой, а вторая начала мель-

¹ Военные историки часто недалеко уходят от Наполеона III, который не понял причин потрясающих поражений французских армий Второй империи; когда-то неглупый, но больной, с пониженной силой воли и ума, Наполеон III ехал в хвосте французских армий, стремившихся к Седану, и наблюдал, как не втянутые солдаты отставали, как многочисленные повозки затрудняли движение, как в тылу складывалась известная атмосфера непорядка и нестройности. Поэтому, когда прусский король спросил 2 сентября 1870 г. взятого в плен Наполеона III о том, в чем он видит причину разгрома, то последний ответил: «Недостаток дисциплины, недостаток дружности, недостаток порядка, слишком большое обременение грузом солдата, слишком большой офицерский обоз». (*Welschinger M. La guerre de 1870. Causes et responsabilités. T. 1. С. 315*). Из-за деревьев не так легко рассмотреть лес.

чить, игнорируя роль политики и стремясь изучить лишь ход операции. Причинная связь военных событий ищется лишь под углом зрения чисто военных соображений, что, безусловно, ошибочно. Поучительность теряется, нарождается много иллюзий: стратегия вопиет об искажении логики событий военными историками; она не только не может опереться на их труды, но вынуждена затрачивать лишние усилия на то, чтобы рассеять посеянные ими предрассудки. Читатели, интересующиеся стратегией, найдут более вызывающих на размышление замечаний не в военных трудах, в особенности не в «стратегических очерках», а в политической истории прошлых войн.

Маневры. Но изучение стратегии, параллельно с размышлением над прошлым, должно заключать и размышления над настоящим. Всякий опыт в области человеческих отношений относится к минувшему, а стратегия должна всемерно тянуться к разгадке будущего. Многие предпосылки, определившие в минувших войнах стратегический ход событий, ныне исчезли; на место их народились новые предпосылки. Только в редких случаях мы можем, пока не вспыхнет война, произвести эксперимент, чтобы установить их действительность. Так, французский генерал Леваль опытным путем доказал возможность стратегического сосредоточения на немецкой границе с плотностью до 15–20 тыс. бойцов на километр фронта, что требует движения всей пехоты, кавалерии и полевой артиллерии без дорог, по колонным путям, с целью оставить существующие сквозные дороги для работы снабжения и подвоза тяжелой артиллерии. Для оперативного искусства роль эксперимента, в весьма несовершенной форме, могут играть большие маневры. На них возможно изучить переброску крупных частей в условиях современной техники, организацию связи и технику управления на широких фронтах; но уже вопросы снабжения и воздуш-

ной разведки, вследствие невозможности в мирное время создать в полном объеме тот тыл, который будет работать на войне, нельзя проконтролировать маневренным испытанием. Даже важнейшие оперативные вопросы, связанные с боевыми действиями, — ширина фронтов, продолжительность боевых столкновений, нормы расхода огнеприпасов, количественное превосходство на участках атаки, — не могут быть сколько-нибудь учтены в результате самых обширных и дорогостоящих экспериментов мирного времени. Еще меньше можно думать о стратегическом маневренном опыте. Большие маневры, которым когда-то отводилось крупное значение в подготовке вооруженных сил, все более приобретают характер гигантского тактического парада, демонстрации слаженности и боеспособности армии.

Военная игра. Если воспроизведение военных действий на маневрах слишком далеко уклоняется от военной действительности, то мы можем попытаться перенести наши упражнения с местности на карту. При изучении тактики метод решения тактических задач на карте является основным. Точно так же он может дать многое при изучении оперативного искусства. Однако главная ценность этого метода не в исследовании новых вопросов, а в натаскивании, в передаче наставником ученику практических сноровок; задачи на плане позволяют изучить преимущественно техническую сторону искусства, оставляя принципиальные вопросы на втором плане. Поэтому в стратегии решение задач на карте имеет весьма относительную ценность; техника стратегического распоряжения очень не сложна.

Чтобы несколько выдвинуть принципиальные вопросы, прибегают к методу военной игры, то есть ведения двухсторонних упражнений на карте. Техника в этом случае отходит на второй план, и на все упражнение приходится

смотреть лишь как на подбор известного материала, в интересных географических условиях, при современных данных организации и техники, для заключительной дискуссии. Ценность такой дискуссии обуславливается исключительно компетентностью руководства; военная игра представляет могущественное средство пропаганды определенных стратегических и оперативных воззрений, но вызывает сомнения как метод исследования вопроса. Руководство военной игры только тогда выполняет свою роль, когда самим заданием и даваемыми ходами оно подтасовывает материал для заключительной дискуссии. Не подтасованные военные игры с беспристрастными арбитрами вообще ничего дать не могут.

Занятия в поле и полевые поездки представляют, в сущности, то же, что и задачи на плане, и военная игра¹, только перенесенные в более поучительные условия работы. Если полевая поездка организуется с достаточными средствами связи, то она может дать хорошую практику в штабной службе, познакомить участников с важными районами театра военных действий, но для стратегии и здесь является лишь возможностью организовать дискуссию, представляющую тем более важное значение, чем ближе сходство задания для поездки с действительными предположениями нашего оперативного развертывания.

Таким образом, прикладной метод в стратегии может иметь значение преимущественно лишь для популяризации в командном составе определенных стратегических идей и для выяснения существующих взглядов на острые стратегические вопросы.

¹ Военная игра «Кригсшпиль», рассматриваемая как средство положительного исследования, заслуживает, действительно, того иронического оттенка, который вкладывают французские писатели в это немецкое слово, приводимое ими неизменно в кавычках.

Изучение классиков. При достаточной общей военной подготовке средством для углубления своих взглядов на современную стратегическую действительность является размышление над классическими трудами по стратегии. Как ни сильно было мышление их выдающихся авторов и как ни коротка история стратегической теории, насчитывающая только полтора столетия, но эволюция в стратегии идет таким темпом, что все эти труды уже отошли в область истории и отмечают этапы, уже пройденные человеческой мыслью. Даже Клаузевиц, для которого длительность боевого столкновения представляла только стратегическое мгновение, а протяжение его фронта — стратегическую точку, несомненно, во многих отношениях устарел. Он еще не знал оперативного искусства, так как операция для него еще не представляла измерений ни в пространстве, ни во времени. Поэтому изучение классиков представляет для нас особенную ценность, если мы будем обращать наше внимание не только на положения, сохраняющие еще свое значение в полном объеме, но и на положения, которые ныне нас не вполне удовлетворяют, которые или вовсе ныне отпали, или должны быть существенно изменены. Если мы будем примеривать известный нам опыт гражданской и империалистической войн к положениям значительнейших стратегических авторов, писавших ранее этих войн, то сможем ярко ощутить то новое, что характеризует современную стратегию.

Мы рекомендуем подходить к авторитетам прошлого не только без выраженной почтительности, без стремления насытиться возможно большим количеством цитат и афоризмов, а определенно критически. Мы сумеем почерпнуть многое у великих мыслителей стратегии, лишь отбросив ложную скромность и усвоив кажущееся бесстыдство исследователя истины. Нужно не простое

чтение, а серьезное критическое изучение классика, которое, может быть, более удобно вести путем семинариев или дискуссий в кружках, чем путем индивидуальной работы.

Стратегические решения по природе своей радикальны; стратегические оценки должны охватывать вопросы в корне; нигде так не требуется независимость, цельность, свобода мышления, как в стратегии, и крохоборческая мысль нигде не может дать более жалких результатов, чем в стратегии. И жестокой насмешкой над стратегической мудростью нам представляется пиетет начетчиков, видящих в наследстве Наполеона стратегические заповеди — идеал стратегических чиновников.

СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКА

1. Политика и экономика

Наступление и оборона в историческом масштабе. Неподвижность, состояние равновесия в системе человеческих группировок представляет иллюзию, разделяемую лишь некоторыми пацифистами и отстающими государствоведами. Различный темп и направление развития экономической жизни дают перевес одним государствам и нациям над другими. Этот перевес находит себе самое различное выражение — в виде расширения экономической деятельности, накопления материальных запасов, большего прироста населения, лучшего технического оборудования территории, возможности содержать большую и лучше снабженную вооруженную силу, организации более сильной центральной власти и усилении единства государства, расширении зависимости, в которой от него находятся другие государства, в увеличении числа идейных сторонников, своего рода граждан двойного подданства, за рубежом. Этот перевес получает выражение в процессе исторического наступления тех группировок, кои постепенно завоевывают будущее, и в исторической обороне других, которые вынуждены защищать занимаемое ими положение

при становящемся все более невыгодным соотношении сил. Так, мы можем отметить историческое наступление в XIII–XVIII веках германских племен на запад от р. Эльбы; наступление русского племени в XVI–XIX веках на восток от Волги; наступление англосаксонской расы, не закончившееся и по сей час, по всем линиям слабого сопротивления на земном шаре. В XVIII веке мы видели ускорение темпа наступления буржуазии, приведшее к Великой французской революции. В начале XIX века развивается историческое наступление национальностей, принимающее характер борьбы за объединение в независимые национальные государства — Германию, Италию; аналогичный процесс среди славянских народов заставил турок постепенно отказаться от всех завоеваний на материке Европы и поставил Австрию в положение исторической обороны, из которого она не вышла до своего развала в 1918 г.

На фоне этого политико-экономического процесса у различных группировок возникают свои классовые, национальные и местные, колокольные интересы; является необходимость борьбы в целях защиты последних. Господствующий в государстве класс склонен рассматривать свои интересы как государственные и прибегает к помощи государственного аппарата для отстаивания их.

Политическое искусство. Всякая борьба за свои интересы только тогда может вестись достаточно сознательно и планомерно, если будут уяснены ее цели. Эти цели, приведенные в систему, образуют программу — определенный идеал данной группировки. Такие программы иногда восстанавливаются только историком; иногда они существуют в письменном виде, но по своей одиозности не оглашаются. Часто их оглашают в умышленно искаженном виде, чтобы иметь возмож-

ность втянуть в данную группировку возможно большие массы.

Организации отдельных группировок, в целях борьбы за определенную программу, называются политическими партиями, так как политика — это искусство ориентировать борьбу в целях проведения программы определенной группировки. Поскольку в основе каждой программы лежат экономические интересы и экономика является основой развивающегося исторического наступления, мы можем видеть в политике «концентрированное выражение экономики». Только те движения, в основе которых лежат реальные интересы, могут получить крупное значение. Даже такой националистический писатель, как генерал фон дер Гольц, признает, что чистый патриотизм представляет сырой порох, и массы им не взрываются.

Но политика является и «искусством маневрировать миллионными массами»; дополнительно, в обстановке противодействия других группировок, только в исключительно благоприятных случаях политика получает возможность избрать прямой путь к цели; очень часто политике приходится выжидать, отступать, избирать окольные пути и вести за собой при этом массы. Искусство политика, действующего на основе выработанной уже программы, заключается в том, чтобы указывать ближайшие цели для конкретной работы. Политика, которая игнорировала бы эти ближайшие цели и все внимание уделяла бы конечному идеалу, представляла бы печальное перерождение практического искусства в социологию или философию истории. Воображаемая логическая линия, соединяющая последовательные этапы, которых мы стремимся достигнуть, и ориентирующаяся на идеал программы, называется политической линией поведения.

Господствующему в государстве классу приходится не только бороться внутри государства за проведение определенной программы, то есть вести определяемую его интересами внутреннюю политику, но и отстаивать свои интересы в сношениях с другими государствами, то есть вести внешнюю политику. Последняя, очевидно, определяется, прежде всего, внутренними интересами данного класса и является логическим продолжением внутренней политики. Но она зависит и от направления политики других государств. Господство правящего класса только тогда является прочным, когда он не слишком узко толкует свои интересы; гегемон, ведущий внешнюю политику, не может, не вызвав губительного кризиса, жертвовать интересами общего исторического целого.

Политика — внешняя и внутренняя — является руководящим мотивом решений истории.

Н а с и л и е. Политическая борьба, проникающая все существование человечества, ведется обычно в рамках условий, созданных господствующими классами, то есть в рамках законности. Бывают, однако, моменты, когда создается обстановка, при которой эта борьба обращается в насилие.

Если дело идет о внешней политике, то нарушаются нормы международного права; обиженная сторона, располагающая достаточной силой, не всегда ограничивается простым протестом, и политическая борьба принимает форму войны. Если дело идет о внутренней политике, то обращение к насилию со стороны одного из негосподствующих классов или негосподствующих национальностей выливается в гражданскую войну. О насилии господствующего класса мы не говорим, так как оно имеет место каждый миг существования государства и составляет сущность его бытия.

Пацифистский уклон философского мышления XVIII века, в связи с непониманием исторического процесса, приводил к тому, что войны рассматривались в плоскости права как несправедливое нападение сильного на слабого; идеал XVIII века заключался в сохранении существующего политического равновесия¹.

Однако в современной действительности сам мир, прежде всего, является результатом насилия и поддерживается насилием. Каждая граница государства является результатом войны; и очертание на карте всех государств знакомит нас со стратегическо-политическим мышлением победителей, а политическая география и мирные договоры являются и стратегическим уроком. В каждом углу Центральной Европы мы встречаем «ирреденту», то есть захваты территории, не возвращенные по принадлежности, противоречащие стремлению народов к самоопределению.

В XX веке даже лицемерная Лига Наций не могла уже стоять на точке зрения поддержания существующего равновесия и должна была признать необходимость эволюции: параграф 19 ее устава предоставляет пленуму приглашать членов совета Лиги к пересмотру договоров, ставших невыполнимыми, и к пересмотру международных отношений, сохранение коих является угрозой миру. Было бы ошибочным приписывать происхождение войн недостаткам различных правительств — монархических или республиканских. Причины войн лежат в экономическом неравенстве, в противоречии между интересами отдельных группировок, во всех условиях исторического

¹ Впрочем, уже Монтескье в своем «Духе законов» усматривал и прогрессивное значение насилия; этой теме посвящена глава IV книги X: «О некоторых выгодах побежденных народов».

процесса и, прежде всего, в частной собственности на орудия производств. И гражданские, и внешние войны являются пока неизбежными издержками истории¹.

Война — часть политической борьбы. Таким образом, внешние и гражданские войны не представляют чего-либо самодовлеющего, а образуют только часть непрерывного политического взаимодействия человеческих группировок. В течение самой войны политическая жизнь ведущих ее государств не прекращается, а продолжается.

Война является только частью политической борьбы. Политическое искусство заключается в том, чтобы отстаивать интересы определенной группировки среди всех других. Оно работает в атмосфере скрещения многих сил; хотя экономика и определяет в основном их вражду, содействие или нейтральность, однако в различные моменты не только меняется напряжение встречаемого противодействия или помощи, но даже союзник может стать врагом, и наоборот. Военное искусство принципиально признает лишь две стороны на баррикаде, возводимой войной: наша и неприятельская. Но в течение военных действий приходится весьма серьезно учитывать интересы третьих политических группировок, не занявших еще определенных позиций на нашей или неприятельской стороне, и заботиться о сохранении единства в нашем лагере и о разложении неприятельского; это чисто поли-

¹ Мнение Мольтке, что собственность, а не форма политического режима является источником войн, изложено в его парламентской речи 1890 г. — Стратегия в трудах военных классиков. Т. II. С. 179–181. А Монтеस्कье из опыта тысячелетий даже заключал, что победы демократии всегда дороже обходятся побежденным, чем победы монархии, и участь побежденных демократией — тяжелее (Дух законов. Кн. X. Гл. VII). Творцы Версальского мира взяли на себя обязанность подтвердить лишний раз эту истину.

тические задачи, и решаться они должны политикой; так как руководство военными действиями представляет лишь одну, хотя и существенную часть этого политического решения, то оно должно подчиняться требованиям политики.

Война ведется не только на вооруженном фронте, но и на классовом и экономическом фронтах. Действия на всех них должны быть согласованы политикой. При этом, конечно, надо считаться со свойствами тех средств, которые приходится применять на каждом из этих фронтов, и не переносить, не считаясь с этими свойствами, методов действия с одного фронта на другой. Так, например, на вооруженном фронте важное значение имеет сосредоточение усилий. Отсюда иногда выливаются такие решения на фронте политической работы: из 10 000 имеющихся агитационных листовок — распространить 9000 в пункте, намеченном нами для удара, и 1000 листовок — на остальном фронте. Но ведь свойства листовок, которые мы сосредоточиваем, совершенно другие, чем свойства потока снарядов и пуль. Листовки не произведут никакого впечатления на классового врага и очень слабое — на неприятельских солдат, не подготовленных к восприятию их обострением классовой борьбы. Всходы совершенно не пропорциональны количеству посеянных семян. В хороших хозяйствах сеют меньше, чем в плохих крестьянских.

Очевидно, политическая агитация не может маневрировать произвольно, а связывается с участками, где для нее имеется подготовленная почва. Политик, который двинулся бы по стопам тактика, а не стремился бы уяснить свою линию наименьшего сопротивления, совершил бы ошибку. Точно так же было бы недоразумением требовать от стратегии действий, идущих вразрез со свойствами тех средств, коими она располагает.

Стратегии не приходится жаловаться на вмешательство политики в руководство военными действиями, по-

литики¹, известной проекцией которой является она сама; разумеется, о ш и б о ч н а я политика приносит и в военном деле столь же печальные плоды, как и в любой другой области; однако нельзя смешивать протест против ошибок политики с отказом признать за политикой права и обязанности определить руководство войной в его основных чертах².

¹ Б и с м а р к (Erinnerungen. Т. II. С. 94–95) отстаивает право политики на вмешательство в стратегию в следующих, весьма умеренных выражениях: «Задача главного командования — уничтожение неприятельских боевых сил; цель войны — завоевать мир, отвечающий условиям политики, которой держится государство. Установление и ограничение целей, которых надо достигнуть войной, представление в этом отношении советов монарху в течение войны, как и до нее — задача политики; методы разрешения этой политической задачи не могут не влиять на ведение войны. Пути и средства ведения войны всегда будут зависеть от больших или меньших результатов, которых стремятся достичь, от того, будут ли требовать аннексии территории или нет, хотят ли захватить какой-нибудь объект для залога, и на сколько времени». Политическое безголовье Германии в XX веке отчасти характеризуется и эмансипацией германской стратегии от политических директив. Победа стратегии над политикой объясняется отчасти слабостью германской буржуазии, торжеством над ней юнкерства.

² Мольтке-старший, Людендорф, Леваль являются крупнейшими авторитетами, отказывающимися признать полностью положения, установленные Бюловым и Клаузевицем — о подчиненном положении стратегии по отношению к политике. Протест против засилья политики окрашивает всю статью Мольтке «О стратегии» (Стратегия в трудах военных классиков. Т. II. С. 176–179); Мольтке находит, что для хода войны руководящими являются преимущественно (смягченная против 1871 г. редакция 1882 г.) военные соображения; что стратегия при разрешении своих задач независима от политики. Стремясь достигнуть высших результатов с имеющимися в ее распоряжении средствами, она лучше всего ответит возлагаемым на нее чаяниям. Гин-

Утверждение о господстве политики над стратегией, по нашему мнению, имеет всемирно-исторический характер. Оно не подлежит никакому сомнению, когда

денбург стоял на той же точке зрения. Такой же протест составляет тему не слишком удачной книги Людендорфа «Kriegsführung und Politik». Людендорф приходит к выводу, что война представляет продолжение внешней (только) политики другими средствами; вся остальная политика должна служить войне. Ярче всего изложены возражения против вмешательства политики в стратегию Левалем, нацелившимся под влиянием вмешательства «гнилого» режима Второй империи в руководство французскими армиями в 1870 г. Леваль в своем введении к Позитивной стратегии утверждает следующее: Клаузевиц, анализируя только полководцев-монархов — Фридриха и Наполеона, смешал в одно политическую и стратегическую стороны их деятельности. Войну следует рассматривать изолированно, как гигантскую дуэль двух наций. Правители должны специализироваться в политике, генералы — в стратегии. Политика имеет отношение к войне лишь постольку, поскольку она определяет в мирное время размер жертв, приносимых народом для организации вооруженных сил. Во время войны политика продолжает свою работу, не затрагивая военных замыслов. Когда война объявлена, слово за пушками. Стратегии нужен секрет и единогласие. Обсуждение с политиками ведет к анемии, утрате воли и энергии. Политика — это опиум для стратегии: она ведет к бессилию. Полная мощь избранному полководцу! Политика нанизывает заблуждения, ошибки, уклонения, подрывает решимость, сбивает с пути, заставляет нервничать. Политик, понимающий что-нибудь в военном деле, это — химера. Нельзя отвлекать полководца от его прямого дела вопросами политики. Генерал должен отвечать политику, желающему вмешаться в его компетенцию, как ответил Полисье, осаждавший Севастополь, французскому военному министру: «Если хотите командовать армией, займите мое место». Мы привели изложение утверждений Леваля потому, что они еще представляют руководящую точку зрения многих французских генералов, и знакомство с ними полезно, чтобы уяснить себе ход мыслей многих вождей буржуазных армий.

творцом политики является юный класс, который идет к широкому будущему и историческое здоровье которого отражается и в форме преследуемой им здоровой политики. Но оно всегда вызывает сомнения в тех государствах, которые представляют организованное господство уже отживающего класса, который находится в положении исторической обороны, режим которого подгнил и который вынужден вести нездоровую политику, жертвовать интересами целого для сохранения своего господства. И в этом случае нездоровая политика неизбежно продолжается нездоровой стратегией. Довольно понятными поэтому являются протесты буржуазных военных писателей, особенно французских, находившихся под впечатлением губительного влияния гнилой политики Второй империи на стратегию. Стратегия, естественно, стремится эмансипироваться от плохой политики; но без политики, в безвоздушном пространстве, стратегия существовать не может; она обречена расплавиться за все грехи политики. Спасти французскую стратегию в 1870 г. от губительного продолжения политической линии правительства Второй империи могла только сентябрьская революция, опрокинувшая режим Второй империи.

Борьба за экономическую боеспособность. Из изложенного следует, что вся международная жизнь в мирное время представляет сплошное столкновение интересов отдельных государств, ведущих непрерывную экономическую борьбу. Нас интересует та сторона этой борьбы, которая имеет в виду военные интересы. Для стратегии далеко не безразлично то или иное решение экономических задач. Современная политическая мораль гласит: хочешь мира, готовься к войне. Каждое государство, чтобы не быть застигнутым врасплох, уже в мирное время стремится установить у себя известное

согласование между своим хозяйственным развитием и экономическими предпосылками успешного ведения войны. Подобное стремление ведет к тому, что экономика, развиваясь, планомерно приспособляется к задачам, которые выпадут на нее с началом войны. Уже одно ожидание войны, подготовка к ней деформирует экономику, изменяет соотношения между отдельными частями народного хозяйства, заставляет применять иные методы. Это стремление экономики уже в мирное время приблизиться к боевым формам является общим и неизбежным законом, однако слишком энергичное насильственное естественных форм экономического развития сказывается весьма отрицательно, тормозя общие экономические успехи страны.

Стратегический подход к явлениям экономики должен установить точку зрения на экономические основы военной мощи государства, дать такую их оценку, которая позволила бы судить о реальных силах и о характере будущей войны. Эту задачу мы преследуем на всем протяжении нашего труда.

Внешняя торговля. Малые государства, вследствие сравнительного однообразия производимых ими товаров, находятся в очень большой зависимости от внешних рынков. Румыния в мировую войну страдала от избытков нефти и пшеницы и вынуждена была выписывать себе военное снаряжение из Франции далеким круглым путем через Архангельск. Размер территории малых государств не позволяет найти уголков, где военная промышленность их могла бы беспрепятственно работать во время войны. Это заставляет их в большинстве случаев отказаться от попытки подготовиться к самостоятельному ведению войны путем создания на своей территории особого экономического целого и держаться более естественных путей хозяйственного развития. Поэтому

малые государства часто обгоняют в хозяйственных областях большие континентальные государства, облачающиеся уже заблаговременно в тяжелые доспехи боевой экономики.

Большое континентальное государство находится в несравненно меньшей зависимости от внешнего рынка; его промышленность работает преимущественно на своем сырье и преимущественно для внутреннего рынка. Тенденция к обособлению в отдельный хозяйственный организм ведет, однако, весьма часто к повышению себестоимости продукции, так как многие отрасли производства приходится организовать при менее выгодных, по сравнению с другими пунктами земного шара, экономических предпосылках. Такое производство приходится защищать покровительственными таможенными пошлинами и льготными железнодорожными тарифами.

Для всякого государства, не имеющего возможности, в случае войны, обеспечить за собой свободу морских сообщений, политика покровительственных пошлин является желательной с точки зрения военной экономики, так как она подготавливает государство к предстоящей ему более или менее тесной блокаде. Принцип свободы торговли могла сохранить до последнего времени лишь одна Англия, но это было результатом ее господства на морях и возможности обеспечить в течение войны беспрепятственный подвоз в свои порты. Подводная блокада уже вынудила Англию временно, на вторую половину мировой войны, перейти к самому энергичному покровительству сельскому хозяйству (обеспечение для сельских хозяев высоких хлебных цен, выписка 5 тыс. тракторов Фордзон и т.д.). Если бы чрезвычайно выгодное положение Англии в отношении свободы морских сообщений было поколеблено успехами подводных лодок и воздушного флота,

то и Англии, конечно, пришлось бы перестроить в корне свою экономическую систему.

Германия в 1902 г. встала на путь высоких хлебных пошлин. Германские аграрии утверждали, что высокие хлебные цены, удовлетворяя их классовым интересам, в то же время значительно повысили экономическую боеспособность страны. Приводимые ими¹ статистические данные, быть может, не вполне беспристрастные, все же неопровержимо свидетельствуют о связи между хлебными

¹ Мы заимствуем данные из труда: *Bülow Fürst. Deutsche Politik*. Berlin. 1916. С. 269. Надо иметь в виду, что развитие германского сельского хозяйства происходило на не вполне здоровой почве; средний заработок чернорабочего в германской промышленности достиг в 1924 г. 4 марок за 10-часовой рабочий день; сельское хозяйство базировалось преимущественно не на дорогом немецком труде, а на миллионах сезонных рабочих, приезжавших из русской Польши и Австрии; так как мировая война была объявлена летом, то русских поляков удалось задержать и закрепить помещикам на все время войны; часть остальной потребности в рабочей силе удалось покрыть военнопленными.

Отметим здесь же основное противоречие германской политики: постройка большого линейного флота выражала стремление Германии вступить в соперничество с Англией за господство на морях, за свободу торговли; а покровительственные хлебные пошлины знаменовали континентальное направление политики, изготровку к борьбе с Россией. Эта недостаточная целеустремленность германской политики облегчила Англии задачу политического окружения Германии и, в конечном счете, привела к разгрому последней. В борьбу с Англией Германия могла вступить, только будучи на русском хлебе; в борьбе же на континенте наличие большого флота, пугавшего Англию, могла явиться только помехой. Александр Македонский, намечая в свое время завоевание Персии, не раздробил своих средств и на постройку флота, и на организацию сухопутной армии.

ценами и урожайностью. За 12 лет (1895–1907), в связи с поднявшимися ценами, количество крупного рогатого скота в Германии увеличилось на 3 млн голов, свиней — на 5,3 млн, урожай ржи — с 6,6 млн тонн на 12,2, пшеницы — с 2,8 млн тонн на 4,65, ячменя — с 2,4 млн тонн на 2,67, овса — с 5,2 млн тонн на 9,7, картофеля — с 31,7 млн тонн на 54,1. Несмотря на быстрый рост населения городов, Германия в 1900 г. покрывала иностранным продовольствием 16% общей потребности, а в 1906 г. — только 10%. Голодная блокада в течение мировой войны, в конце концов, сломала Германию, но если бы таможенная политика не развила почти вдвое ее сельского хозяйства, то она была бы вынуждена капитулировать, не дождавшись урожая 1915 г.

Развитие промышленности. Мобилизация промышленности значительно облегчается предшествующей экономической подготовкой¹. Каждое государство, вступающее в борьбу с Англией, будет отрезано от мирового источника азотистых солей — чилийской или индийской селитры, без коих невозможна фабрикация пороха и каких-либо взрывчатых веществ. Этим

¹ Мы не останавливаемся на не вызывающем никакого сомнения общем вопросе об усилении экономической боеспособности государства в связи с общим здоровым развитием его промышленности. Насквозь пропитан фальшью труд: Гулевич А. Война и народное хозяйство (1898 г.), представляющий сравнение, с военной точки зрения, экономического строя России и главнейших европейских государств; автор, одержимый шовинистическим угодничеством, стремился доказать превосходство России, как экономического базиса войны, над Германией вследствие якобы большей приспособляемости к войне крестьянского хозяйства по сравнению с промышленным. Эту фальшивую мысль Гулевич заимствовал из известного пятитомного труда: Б л и о х . И. С. Будущая война.

обуславливается огромное значение производства азота из воздуха для всякого государства, ведущего самостоятельную политику.

Значение красочной промышленности точно так же вырастает, так как ее оборудование и полуфабрикаты весьма пригодны для изготовления химических отравляющих веществ. Естественно, что все государства мира стремятся теперь производить анилиновые краски у себя дома и более или менее следуют примеру Англии, установившей в 1920 году (Deys Stuff act) ввоз в Англию красок лишь с особого каждый раз разрешения. Война поглощает огромное количество меди; следовательно, на производство меди на медноплавильных заводах нельзя смотреть лишь под углом зрения экономической выгоды или убыточности.

Мы не останавливаемся на совершенно ясном вопросе о значении вывоза в мирное время за границу изделий военной промышленности, что позволяет держать начеку крупный промышленный аппарат.

Заблаговременная заготовка заграничного сырья (при невозможности располагать своим сырьем) представляет огромные затруднения, связанные с выделением крупных мертвых капиталов, которое затруднит самое богатое государство. Иногда можно выйти из затруднения путем предоставления льгот частной инициативе по завозу и хранению на складах данных продуктов. Так, в Германии перед мировой войной существовал проект создания в Кенигсберге и Данциге обширных элеваторов для беспроцентного и льготного завоза и хранения русского хлеба в ожидании выгодных цен. Этот проект мог несколько облегчить продовольствие Германии в случае войны, но он не был осуществлен из-за сопротивления германских аграриев, опасавшихся постоянного давления больших видимых запасов на хлебные цены. Идея сво-

бодных портов может в будущем дать многое для повышения наличного товарного фонда.

Экономические позиции за рубежом. В эпоху империализма капиталистические отношения перерастают рамки отдельных государств, и капитал захватывает позиции далеко за рубежом своего государства. Экономическая активность является признаком экономического расцвета. Эксплуатация колоний, пароходные линии между иностранными портами, участие в прибыльных заграничных предприятиях — железных дорогах, банках, промышленности, плантациях, организации на чужбине мощных складов товаров, помещение денег в иностранные займы — все это типичные проявления империализма.

Экономическая активность позволяет проявляющим ее государствам в мирное время значительно расширить свое политическое влияние и даже поставить слабые в экономическом отношении государства в вассальные к себе отношения (Англия и Португалия). Но обширные экономические позиции за рубежом имеют и обратную сторону, поскольку они не могут быть защищены вооруженной силой и подрывают экономическую боеспособность государства.

Географическое распределение промышленности. Мы окажемся перед тем же, по существу, вопросом, если перенесем от правового понятия границы между двумя государствами к военному представлению о рубеже, более или менее надежно прикрывающем лежащую позади территорию при имеющихся в стране вооруженных силах и своим удалением от врага обеспечивающем от бомбардировок и других покушений неприятеля.

Важно добиться группировки всей военной промышленности и развития промышленных центров именно

в хорошо защищенных своим географическим положением районах, притом по возможности ближе к источникам топлива и сырья. Угрожаемые пограничные районы, будучи перегружены промышленностью, крайне стесняют маневрирование, требуют выделения крупных сил и дорогой долговременной фортификационной подготовки для своей защиты и, несмотря на это, часто будут отданы во власть противника. Сосредоточение французской промышленности, особенно металлургической, на севере Франции крайне невыгодно сказалось на ведении французами войны. К счастью Франции, ее важнейшие военные заводы — Шнейдера оказались расположенными в центре (Крезо), вне занятого немцами района, а огромную потребность в стали обеспечил подвоз из Америки. Наличие лотарингской промышленности (Саарский угольный бассейн), быть может, склонила немцев отказаться от разумного плана Мольтке-старшего — ограничиться, при борьбе на два фронта, обороной против Франции.

Точно так же опасным представляется сосредоточение целой отрасли промышленности в одном пункте.

В Париже сосредоточена вся французская авиационная промышленность, вся оптическая промышленность, все мастерские точной механики и почти три четверти производства автомобилей. Известное рассредоточение увеличило бы способность Франции к обороне. Угроза Силезскому промышленному району в начале ноября 1914 г. со стороны русских армий вынудила Людендорфа начать, не дождавшись двух недель до прибытия больших подкреплений с Западного фронта, Лодзинскую операцию, что спасло, быть может, две-три русские армии от полной катастрофы. Для царской России такую же невыгоду представляла группировка промышленности в западных губерниях (Лодзь, Варшава, Бело-

сток; Шавли, Рига); часть ее пришлось отдать неприятелю, часть удалось эвакуировать, загромоздив, однако, железнодорожный транспорт — в момент особенной его важности для военных целей. Точно так же весьма невыгодным являлось то обстоятельство, что в довоенное время Петроград снабжался преимущественно английским углем, а западные губернии — углем из Домбровских копей, лежавших на границе Силезии и утраченных нами в первый же день войны. Отсюда возникла дополнительная нагрузка, с началом войны, Донецкого угольного бассейна, который не был подготовлен к ней мирным развитием, и весьма солидное дополнительное обременение транспорта.

В настоящее время некоторые сомнения вызывает ленинградская промышленность. Царское правительство умудрилось сосредоточить в Петрограде много учреждений, не стесняясь тем, что оно вступало при этом в борьбу с природой. Ленинградская промышленность в 1925 г. представляла 14,6% всей промышленности СССР. В том числе в Ленинграде было сосредоточено: 56% резиновой промышленности, 48% — электротехнической, свыше 13% — металлической промышленности, главным образом столь важная для мобилизации промышленности постройка двигателей, дизелей, станков, оборудования.

Ленинград теперь является у нас таким же пограничным городом, как во Франции перед мировой войной — Нанси. Положение этой древней столицы Лотарингии сильно стеснило свободу действий французских армий в августе и сентябре 1914 г. Невыгоды стратегического положения Ленинграда еще усугубляются удалением его от источников топлива, хлеба и сырья. В мирное время это удаление отражается лишь на повышении себестоимости ленинградской продукции, что отчасти компенсируется хорошим фабричным оборудованием, наличием тради-

ций производства квалифицированных рабочих и жилищной площади. Но в военное время придется считаться уже не только с накладными расходами, но с разрушающим транспорт длинным пробегом вагонов с сырьем, топливом и продовольствием, что представляет весьма нежелательное осложнение военной экономики.

Коренная ломка в хозяйственных вопросах вызывает тяжелые, болезненные явления. Но мудрая экономическая политика, последовательно проводимая в течение десятилетий, может постепенно перенести центр тяжести промышленности в районы, более выгодно расположенные, с точки зрения экономических условий ведения войны. Крайняя осторожность при воздействии на естественный ход экономического развития все же неравносильна предоставлению ему возможности расти стихийно. Политика установления цен и железнодорожных тарифов, распределения заказов и кредита, строительства новых путей сообщения, жилищной площади, фабрик должна постепенно, но твердо вести к указанной цели.

Нефть Баку и Грозного может быть переработана на месте, что вполне удовлетворило бы требования стратегии; но в экономическом отношении как будто представляется выгодным направить значительную ее часть к портам Черного моря по нефтепроводам и здесь перерабатывать на перегоночных заводах. Однако продукция последних, столь важная для военных целей (бензин, полуфабрикаты для взрывчатых веществ и т.д.), окажется под угрозой господствующего на море флота. Вопрос о выгоднейших пунктах переработки нефти может быть, очевидно, решен лишь при внимательном подсчете не только экономических, но и военных плюсов и минусов.

Точно так же постройка могучих источников электрической энергии — Днепрострой, Свирьстрой, которым

в будущем суждено индустриализировать целые районы, требует не только предварительной технической и экономической, но и компетентной стратегической экспертизы.

2. Политическая цель войны

Экономические цели войны. Мировая война представляла громадное и сложное столкновение экономических интересов. Если непосредственный повод к ней дало столкновение Австро-Венгрии с Сербией, в котором экономические мотивы выступали не столь ярко, то весь ее характер и размах оказываются тесно связанными с тем обстоятельством, что за последние 25 лет Германия увеличила свой вывоз на 228% и, таким образом, обогнала Англию, которой удалось за тот же срок увеличить свой вывоз лишь на 87%. Война имеет экономические причины, ведется на определенной экономической базе, представляет бурно протекающий экономический процесс, иногда переходящий в экономическую революцию, и ведет к некоторым экономическим результатам. «Военная победа Антанты, необходимо, должна быть пополнена победой экономической, так как в противном случае она вскоре станет славным, но тщетным воспоминанием», — гласил один из бюллетеней французской ставки.

Мы должны признать законность экономических целей даже при войне державы, представляющей интересы интернационального рабочего движения, с буржуазным миром. Необходимость преследования в борьбе негативных экономических целей будут отрицать только толстовцы. Но этого мало. Действительно, поскольку каждый этап борьбы за мировую революцию не будет связан с достижением определенных экономических целей, с расширением экономического базиса стороны, которая противостоит буржуазии, с ослаблением эконо-

мической позиции капитализма, постольку он не может явиться серьезным успехом.

Война представляет арену действия не только вооруженных сил. Экономическая цель войны достигается параллельно с борьбой вооруженных сил за свои военные цели ожесточенной схваткой на политическом фронте, а также борьбой на экономическом фронте. В случае ожесточенного сопротивления неприятеля победа потребует уничтожения усилиями на этих трех фронтах борьбы самых материальных предпосылок возможности сопротивления неприятеля.

В зависимости от затронутых войной интересов, от ожидаемого сопротивления противника, участия в борьбе невооруженных сил, представлений о характере будущей войны и военных возможностей — определяется политическая цель войны¹, ориентирующая борьбу на вооруженном, классовом (а в экономически отсталых странах — национальном) и экономическом фронтах.

Формулировка политической цели. Первой обязанностью политического искусства по отношению к стратегии является выдвигание политической цели войны. Всякая цель должна быть строго согласована с имеющимися для достижения ее средствами. Политическая цель должна отвечать возможностям ведения военных действий.

¹ Необходимо строго разграничивать причины войны и политическую цель. Причины вытекают из происходящего политико-экономического процесса, политическая цель является основной директивой верховной власти по ведению войны и, в зависимости от хода военных событий, может быть изменена. Обуславливая подготовку к войне, политическая цель в каждый данный момент, в свою очередь, должна отвечать достигнутому путем этой подготовки уровню на вооруженном, классовом и экономическом фронтах.

Чтобы соблюсти это требование, политик должен иметь правильное представление об отношении своих сил к неприятельским, что требует чрезвычайно зрелого и глубокого суждения, знания истории, политики и статистики обоих враждующих государств и известной компетенции в основных военных вопросах¹. Окончательная формулировка цели будет сделана политиком лишь после соответствующего обмена мнениями со стратегами: она должна помочь стратегии, а не затруднить стратегические решения.

Политическая база. В гражданской войне политическая цель поднимающей восстание стороны часто вначале будет заключаться в создании недостающей политической базы, то есть в захвате власти в столице или особо важном провинциальном центре. Юлий Цезарь направил первые свои удары в гражданской войне не на легионы Помпея, находившиеся в Испании; оставив живую силу сената и Помпея в стороне, он с ничтожными силами перешел Рубикон и захватил Рим. Галлия, где находились его легионы и откуда он черпал необходимые для гражданской войны средства, являлась его экономической базой, но она нуждалась в политическом дополнении, которое давал Рим. Захватив Рим, Юлий Цезарь выступал уже как защитник не партийных интересов, а обще-

¹ Бюлов придавал последнему такое значение, что выдвигал требование для дипломатов — быть, прежде всего, солдатами. Это неверно, так как военные знания должны представлять лишь часть умственного багажа, требующегося от политика. Знакомство с классовыми группировками как своей, так и неприятельской страны, доведенное до исчерпывающей глубины, до знакомства с тенденциями классов, тенденциями, которые проявятся во весь рост только в момент кризиса, представляет обязательную для политика специальность.

государственных. Сенат же утратил свою политическую базу, так как после своего бегства из Рима он уже потерял свой общегосударственный авторитет и являлся частным собранием эмигрантов.

Политическое наступление и оборона. Постановка политической цели должна включать указание на то, преследует ли война интересы политического наступления или политической обороны. Еще в XIV столетии феодал де Куси докладывал французскому королю Карлу V о том, что «англичане слабее всего у себя дома, и нигде их нельзя так легко победить, как у них на родине». Монтескье¹ соглашался с этим и признавал, что народы-империалисты — карфагеняне, римляне, англичане — развертывают все свое могущество в наступательных предприятиях, где их силы складываются воедино военной властью и дисциплиной, тогда как на родине эти силы разделяются политическими и социальными интересами. Наполеон разделял эти иллюзии и утверждал, что мир когда-нибудь будет очень удивлен, узнав, с какой легкостью победит Англию высадившаяся на ее берега армия. Отсюда у многих рождается представление о спасительности политического наступления, которое заставит замолчать собственные внутренние распри и одновременно позволит нам иметь дело не с неприятельским государством в целом, а с отдельными политическими партиями. Нам такой взгляд на войну, как форму, в которую выливается политическое наступление, представляется в корне неправильным. Нельзя переоценивать чисто внешнего эффекта прекращения забастовок и нападок оппозиции, кажущееся единомыслие, устанавливающееся с началом войны. Война представляет не лекарство от внутренних болез-

¹ Глава VIII книги XI «L'esprit des lois».

ней государства, а серьезнейший экзамен здоровья внутренней политики. Только на базе прочного господства определенных классов внутри страны возможны длительная наступательная политика и стратегия. И Куси, и Монтеские, и Наполеон ошибались относительно сопротивления, которое бы встретил десант на берегах Англии. Политическое наступление выливается из исторического наступления, является следствием сложного политико-экономического процесса и не может рассматриваться лишь как более выгодный технический метод политической борьбы. Внутренняя слабость государства скажется при наступлении еще скорее, чем при обороне. Трагедия германского ведения войны в 1914–1918 гг. заключалась в том, что при сложившихся условиях Германия могла выиграть эту войну только как политически оборонительную. Между тем эта точка зрения была усвоена Германией лишь в августе 1918 г., когда все силы были уже исчерпаны и предстояла сдача на капитуляцию. Германская стратегия вышла за пределы политической обороны, нарушив нейтралитет Бельгии в августе 1914 г., излишне углубившись в Россию в 1915 г. (мечты Людендорфа о захвате Прибалтики), объявив в начале 1917 г. подводную блокаду Англии (выступление Америки), заняв недостаточно примирительную позицию по отношению к Русской революции (наступление летом 1917 г., Брест-Литовск), затруднив своей требовательностью положение дипломатии, обратившись в марте–июле 1918 г. к стратегии сокрушения¹. Не отвечая идее политической обороны, отдель-

¹ «Много других оснований надеяться на победу, если в этой войне вы не будете стремиться к новым приобретениям и не станете добровольно создавать себе еще другие опасности... больше страшат наши собственные ошибки, нежели замыслы врагов» (Фукидид. I, 144).

ные частные успехи Людендорфа являлись лишь этапом к конечному проигрышу войны. Что же касается выгод, которые вытекали для ведения войны из занятия новых территорий и удаления военных действий от германского отечества, то к ним надо относиться весьма скептически. Еще Руссо заметил¹: «Я разбил римлян, — писал Ганнибал, — пришлите мне войск; я наложил контрибуции по всей Италии — пришлите мне денег». Вот что означают *Te Deum*'bi, иллюминации и восторг народа при триумфе его хозяев.

Развитие идеи политического наступления. Задача политического наступления должна быть обрисована политической целью, возможно, рельефно. Стратег должен знать, сводится ли дело к тому, чтобы сразить под корень неприятельский режим, выпустить его последнюю каплю крови (*saigner au blanc*, по выражению Бисмарка) или же допускается возможность и компромисса с врагом.

Постановка наступательной политической цели должна прийти на помощь стратегии, когда последней предстоит действовать против крупного государства или значительной коалиции малых. Такой противник, оставаясь в единении, почти не может быть сокрушен. Но при ближайшем рассмотрении всегда у противника могут быть обнаружены политически слабые места, облегчающие торжество над ним. Иногда это будут политические стыки; удар по политическому стыку савойской и австрийской армии открыл в 1796 году победную карьеру Бонапарта. Против Германии и Наполеон I, и Наполеон III, и Фош намечали всегда удар по стыку между южной и северной Германией, исторически, политически и экономически складывавшихся в различных условиях.

¹ *Jean Jacques Rousseau. Politique. Partie I. C. 404 (изд. 1790 г.).*

Такая политическая цель — раскола неприятельского государства на отдельные политические глыбы — сводится к занятию внутреннего политического положения¹. Иногда, наоборот, политическая цель будет заключаться в политическом окружении неприятеля, к чему, очевидно, вели усилия английского правительства после Русско-японской войны в отношении Германии.

Если противник представляет единый государственный организм, как Франция, то столица его имеет огромное значение, являясь политической базой, сосредоточением всей политической жизни государства и борющихся в нем политических сил. Таковой является для Франции Париж. Вся политическая воля французского государства сосредоточивается в Париже. И всегда Париж являлся целью вторжения во Францию, так как захват Парижа обессиливал господствующий класс и открывал простор действующим против него силам. Власть над Парижем позволяла заключить с Францией, бессильной для дальнейшего сопротивления, мир. Период обострения политической борьбы во много раз увеличивает политическое, а следовательно, и военное значение столицы.

Сокрушение и измор. Подробную характеристику этих категорий действий на вооруженном фронте

¹ Старая формула политического империализма — «разделяй и властвуй» лежит в существе политического маневрирования и сближается нами с понятием внутреннего стратегического положения. Действия по внутренним линиям ныне будут применяться преимущественно при борьбе на два фронта. Вооруженный фронт выставит заслон против одной группировки и обрушится на другую. Для успеха необходимы согласованные действия и политики. Германия находилась в мировую войну во внутреннем политическом положении по отношению к России и Франции, однако никакого согласования военных и политических усилий Германии не было.

мы сделаем в дальнейшем, в главе о формах ведения военных действий. Но уже здесь мы должны заметить, что эти категории не представляют что-либо, присущее только борьбе на вооруженном фронте или только нашей эпохе. Измор и сокрушение вытекают непосредственно из динамики любой борьбы; мы их можем наблюдать в боксе так же, как и в сложнейших условиях национальной и классовой борьбы. Мышление выдающихся политиков, несомненно, имело в виду эти категории. Разве не имел в виду Карл Маркс категории сокрушения в своей речи 29 ноября 1847 г. по польскому вопросу, который он рассматривал как часть театра общей освободительной борьбы, притом как часть второстепенную: «Из всех стран в Англии наиболее развились противоречия между пролетариатом и буржуазией. Победа английских пролетариев над английской буржуазией имеет поэтому решающее значение для победы всех угнетенных над их угнетателями. Польша ввиду этого будет освобождена не в Польше, а в Англии¹. Вам, чартистам, поэтому незачем высказывать благочестивые пожелания об освобождении угнетенных наций. Разите своих собственных внутренних

¹ Мы цитируем по труду: *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма. М., 1923. С. 611. Читатели, несомненно, подметят тождество логики Маркса в этом пункте с утверждением Шлиффена, что Сербия будет побеждена не на р. Саве, а на русском фронте, что война для Австрии будет выиграна не на русской границе, а решительным успехом во Франции и т.д. Фридрих Энгельс в «Принципах коммунизма» в 1847 году на знаменитый вопрос, может ли революция пролетариата произойти в одной стране, давал отрицательный ответ, основываясь на логике сокрушения; Ленин в своей теории о возможности победы социализма в одной стране переходил, начиная с 1915 г., к логике измора и мотивировал свой разрыв с сокрушением и возможность измора обострением внутренних противоречий империализма.

врагов, и вы тогда сможете питать гордое сознание, что поражаете при этом все старое общество».

У Ленина в различные периоды его деятельности мы можем найти политическое маневрирование различного порядка в соответствии с требованиями изменявшейся обстановки. Весной 1920 г. Ленин устремил линию политического поведения на измор и громил в брошюре «Детская болезнь левизны в коммунизме» доктринеров, настаивавших, при отсутствии необходимых предпосылок, на политическом сокрушении. Это левое доктринерство характеризовалось Лениным как отказ от промежуточных и ограниченных целей, как стремление одним прыжком достигнуть конечной цели, как наивное желание выставить собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента: если есть желание перескочить через промежуточные этапы, то, значит, и дело в шляпе. Лозунг «вперед, без компромиссов, не сворачивая с пути» — это слепое, раздражительное, некритическое перенесение одного опыта на другие условия, в иную обстановку: это трудное восхождение на неисследованную гору с предварительным решением — никогда не идти зигзагом, никогда не возвращаться назад, никогда не отказываться от раз выбранного направления и не пробовать другие; это облюбование одной определенной формы, установление панацеи, непонимание ее односторонности, это боязнь увидеть ту крутую ломку, которая стала неизбежной в силу объективных условий; это повторение простых заученных, бесспорных в отвлеченной форме, истин: три больше двух. Это детский страх перед маленькой трудностью, которая предстоит сегодня, и непонимание неизмеримо более значительных трудностей, которые необходимо будет преодолеть завтра; это неподготовленный штурм.

«Таранной», сказали бы мы, форме политики своих противников Ленин противопоставлял ясную постановку конечной цели, непрерывное к ней устремление и в то же время постоянный труд над решением ограниченных практических задач, завоевание одной отрасли, одной области за другой, максимальную гибкость в выборе пути к конечной цели — компромиссы, соглашательство, зигзаги, отступление, уклонение от боя в невыгодной обстановке. Ленин исходил из признания невозможности победы над буржуазией без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть, — войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли. Политическая деятельность — не тротуар Невского проспекта: общие рецепты представляют нелепость; нужно иметь собственную голову на плечах, чтобы разобраться в каждом отдельном случае, нужно овладеть всеми средствами и приемами борьбы, которые имеются или могут быть у неприятеля. Ленин видит не только последний решительный бой, он переносит центр тяжести политики на борьбу за выгоднейшую группировку всех классовых сил, за занятие исходного положения для последнего натиска.

Приведенной характеристики¹, мы полагаем, достаточно, чтобы иллюстрировать значение вопросов сокрушения и измора в оценке момента политической борьбы. Эти вопросы составляют существенную часть руководящих идей политического руководства.

Было бы ошибочно понимать сокрушение и измор как моменты, могущие существовать в борьбе одновременно,

¹ Мы не привели собственных слов Ленина, чтобы не угрождать нашего труда по совершенно ясному вопросу сотней цитат. Мы думаем, что тема «Вопросы сокрушения и измора в трудах Ленина» заслуживает обстоятельного исследования, которое позволит значительно углубить наше понимание теории политики.

как имеют место одновременно наступление одной стороны и оборона другой. Если сокрушение — реальная возможность и осуществляется одной стороной, то и противная сторона вынуждена организовать свое противодействие в борьбе в соответствии с логикой сокрушения. Если сокрушение не осуществимо, то, хотя бы обе стороны клялись Наполеоном и составляли только сокрушительные планы, — несмотря на массу тщетно затраченных усилий, борьба войдет в колею измора. Так было в мировую войну, когда все генеральные штабы, мыслившие только логикой сокрушения, потерпели жестокое фиаско.

Но борьба на вооруженном фронте представляет только часть общей политической борьбы. Необходимо установить строгое согласование между политикой и стратегией. Этого не было в 1920 году, когда Ленин круто взял в политике линию измора, а в стратегии мы продолжали развивать не его мышление, а те самые леводоктринерские уклоны, которые Ленин громил на фронтах дипломатической, профсоюзной, партийной и экономической работы.

Итак, задачей политики является определение будущей войны не только как обороны или наступления, но и как измора или сокрушения.

Бисмарк в 1870 г. весьма опасался вмешательства во франко-прусскую войну других держав, считая выгодные политические условия, в которых находилась Пруссия, только преходящим моментом, и потому выдвигал требование скорейшего сокрушения Франции, не блокады, а атаки Парижа.

Стратеги старой школы обычно указывали, что всякое промедление на войне идет во вред наступающему. Это справедливо, если мы будем иметь в виду лишь стратегию сокрушения и понятие наступления будем ограничивать

исключительно фронтом вооруженной борьбы. Однако, если мы под наступлением будем понимать преследование позитивных целей, в отличие от обороны, преследующей негативные цели, то уясним себе возможность политического и экономического наступления, которое для оказания воздействия на противника часто потребует длительного времени и которому затяжка войны может пойти на пользу. Все попытки русских нанести сокрушительный удар Дагестану оказывались неудачными; но когда русские организовали последовательную борьбу на измор и оторвали от Дагестана кормившую его хлебом Чечню, — Шамиль был побежден и Дагестан был завоеван. Антанта преследовала в мировой войне против Германии самые активные цели, стремясь совершенно обезоружить ее в военном и экономическом отношениях, но применяла методы измора, и время работало в пользу не Германии, а политически наступавшей Антанты.

То обстоятельство, что борьба на измор может стремиться к достижению самых решительных конечных целей, до полного физического истребления противника, ни в коем случае не позволяет нам согласиться с термином — война с ограниченной целью. Стратегия измора, действительно, в противоположность стратегии сокрушения, задается, до момента конечного кризиса, операциями с ограниченной целью, но цель самой войны может быть далеко не скромной¹.

¹ Мы совершенно не согласны с общераспространенной терминологией Блуме (*Blume W. Strategie*. 1912. С. 24–27). Последний, отрицая деление на сокрушение и измор, делит войны, по напряжению, на войны до последней крайности (*Vollkrieg*), как, напр., борьба Пруссии против Наполеона в 1806–1807 гг. или борьба буров против англичан в 1900–1903 гг., на укороченные войны (*abgekürzter Vollkrieg*), которые начинаются с такой же энергией, но прерыва-

Уточнение указания на выбор между сокрушением и измором при постановке политической цели имеет громадное значение для ориентировки всей военной деятельности; но еще важнее оно для правильного выбора политической линии поведения и организации экономической подготовки; последняя может направляться по совершенно противоположным путям, в зависимости от того, готовимся ли мы к бурному развитию максимальной энергии, короткой вспышке или к развитию длительных, последовательных усилий. Война на сокрушение будет вестись преимущественно за счет запасов, накопленных в мирное время; заграничные заказы для экстренного их пополнения перед войной могут быть чрезвычайно уместны. Борьбу же на измор большое государство может базировать исключительно на работе своей промышленности в течение самой войны; военная промышленность может развиваться исключительно за счет военных заказов, и отнимать у нее работу в мирное время, передавая заказ за границу, это — больше, чем преступление, это — ошибка. Подготовка войны на

ются до исчерпания всех средств вследствие безнадежности сопротивления и переполнения чаши страдания народа, и на войны с ограниченной целью, в которых развитие вооруженной борьбы не происходит полным темпом. Война с ограниченной целью (к такой войне Блуме хотел бы отнести борьбу на измор) представляет только войну слабого напряжения, из-за мелких целей. Такие войны были типичны для XVIII века; в настоящее время ожидать повторения их очень трудно, между тем как войны на измор легко могут иметь место; первой такой войной, попавшей в историю, была Пелопоннесская в конце V века до н.э., прекрасно описанная Фукидидом, а последними были Восточная война (Севастопольская) 1853–1856 гг., гражданская война за нераздельность Соединенных Штатов, Русско-японская и мировая войны.

сокрушение может быть проведена путем такого чрезвычайного усиления военного бюджета, которое остановит или даже подорвет развитие производительных сил государства. Подготовка же войны на измор должна, главным образом, заботиться об общем, пропорциональном развитии и оздоровлении экономики государства, так как больная экономика тяжелых испытаний измора, конечно, выдержать не может.

Постановка политической цели войны, столь не хитрая, по видимости, представляет в действительности труднейшее испытание для мышления политика. Здесь возможны самые крупные заблуждения. Вспомним хотя бы постановку наступательной цели Наполеоном III для войны с пруссаками в 1870 году или постановку целей сокрушения всеми генеральными штабами в начале мировой войны. Особенную трудность представляет именно выбор между сокрушением и измором. Подавляющее большинство военных и экономистов перед мировой войной жестоко ошиблось, полагая, что она протянется около 3 и не более 12 месяцев; только Мольтке-старший и Китченер не впали в это заблуждение. Ошибка лежала в плоскости применения формальной логики: исключительно дорогая и разорительная война должна скоро кончиться. Диалектика же истории гласит, что если война так разорительна и поглощает столько средств, то, при известной длительности, разорение одной стороны и выдержка другой, последний пуд хлеба явятся средством победы; именно дороговизна войны и ее разлагающее действие на государственность и осмысливает войну на измор. Так было в начале XVI века, когда из-за появления наемников и артиллерийской техники стоимость войны очень возросла, и такие же основания явились и во второй половине XIX века, когда техника вновь очень осложнилась, а массы сильно выросли. Трудность уяснения характера

будущей войны приведет на практике, вероятно, к тому, что в политическом задании, устанавливающем политическую цель, будет предлагаться компромисс — и краткое сокрушение, и длительный измор; задача подготовки к войне получит такое же компромиссное решение, заключая в себе и стремление к подготовке быстрых операций части сил, и противоположную тенденцию обеспечить возможность длительной борьбы.

Характер и длительность войны являются результатом условий, складывающихся на всех трех фронтах войны. Слабый в классовом отношении противник может быть побежден уничтожением его вооруженной силы; но линия наименьшего сопротивления к победе, может быть, идет через некоторую затяжку войны, могущую вызвать у врага политический развал. Сильное в классовом отношении и значительное государство едва ли может быть опрокинуто приемами сокрушения без длительной подготовки путем измора. При слабой подготовке государства к сухопутной войне (Англия, Соединенные Штаты) момент его высшего стратегического напряжения, очевидно, не может совпадать с первыми неделями войны, а будет отнесен на 1, 2-й или 3-й годы позднее. Государства, имеющие слабые армии в мирное время, ведут долгие войны. Перенос центра тяжести на мобилизацию военной промышленности ведет к тому же. В военном отношении несходство двух противников — морская и сухопутная державы — ведет к измору (Англия и Россия), удаление двух государств, имеющих возможность вступить в борьбу лишь на отдаленном театре войны, отрезанном морями или расстоянием от важнейших центров воюющих государств (Япония и Россия), конечно, препятствует борьбе принять сокрушающий характер. Военное равновесие также приводит к отказу от сокрушительных целей.

Военная подготовка, доведенная до возможности немедленного максимального напряжения своей боеспособности, обширная сухопутная граница с перерезающими ее хорошими путями сообщения, значительное превосходство сил, политическая постройка неприятельского государства по образу колосса на глиняных ногах — это условия, благоприятствующие сокрушению и позволяющие закончить войну в короткий срок и с минимальным расходом материальных средств и человеческих жизней. Поскольку военные бюджеты, несмотря на свой рост, отстают от роста производительных сил, и максимум стратегического напряжения становится ныне достижимым лишь через полгода после окончания экономической мобилизации, то есть не раньше второго года войны, постольку мы в будущем, вероятно, будем иметь преимущественно длительные войны.

Если бы указание о сокрушении было вовсе опущено в политической ориентировке, то экономическая подготовка, предоставленная соображениям преимущественно экономического фронта борьбы, естественно, направилась бы в русло борьбы на измор. Но такое упущение было бы неправильно, несмотря на большую вероятность длительной борьбы в будущем. Подготовка экономики на измор, может быть, не вполне отвечала бы чисто военной подготовке: из-за нее, быть может, пришлось бы отказаться от возможности решить борьбу одним ударом, от следования кратчайшим путем к конечной цели, по примеру великих полководцев. Априорное решение, не считающееся с условиями данной войны, недопустимо. На что послужит подготовка к десятилетней войне, если она настолько пойдет в ущерб первому же нашему военному усилию, что противник, действуя методами сокрушения, сумеет в два-три месяца достигнуть своей политической цели? Если политика потребует

молниеносного удара по одному из соседей, то соответственным образом должны быть приняты и экономические решения.

Политическая цель и программа мира. Война не является самоцелью, но ведется в целях возможности заключить затем мир на определенных условиях. Политик, определяя политическую цель войны, должен иметь в виду те позиции на военном, общественном и экономическом фронтах борьбы, захват коих поставит его в выгодные условия для ведения мирных переговоров. Чрезвычайно важно не добиваться на мирных переговорах каких-либо новых преимуществ, а выступать как сторона, располагающая уже тем, что ей надо, или обладающая дорогим залогом, который может быть обменен на то, что ей нужно. Если бы мировая война закончилась без катастрофы для Германии, последняя могла бы рассчитывать получить все или часть своих колоний в обмен на оккупированную немцами Бельгию.

Особенно важно практическое значение программы требуемых от войны достижений в случае борьбы на измор. Англия в мировую войну затратила сотни тысяч бойцов и громадные материальные средства на непосредственное овладение всеми германскими колониями; и такое решение больше удовлетворяло чисто английские интересы, чем если бы она избегала траты миллиардов на колониальную войну и направляла те же средства на европейские театры, имея в виду, что участь колоний будет решена победой над германской метрополией и они достанутся без всяких усилий, как спелый плод с дерева. Русский империализм, мечтавший о Босфоре, едва ли стоял политически на правильном пути, полагая, что ключи к Босфору находятся в Берлине, удовлетворяясь обещаниями союзников и не предпринимая непосредственных действий против Босфора. Каждый раз намеченные для

этой операции силы отвлекались в общий котел Антанты, на германо-австрийский фронт. С логикой русских действий можно было бы согласиться лишь в том случае, если бы борьба шла на сокрушение. При действительных же условиях мировой войны она лишь иллюстрировала недостаточно яркое представление о преследуемых целях и недостаточное волевое устремление к ним, что характеризует несамостоятельную политическую позицию России в мировой войне.

Превентивная война. Крупную роль в истории играют превентивные войны; таковыми являются войны, провоцируемые одним государством ввиду того, что усиление соседа угрожает ему в будущем войной, которую придется вести в условиях худших, чем те, которые складываются в настоящий момент. Превентивная война характеризуется, таким образом, положением политической обороны и стратегического наступления. Слабеющий государственный организм Австрии вел такую предупредительную войну против Пьемонта в 1859 г., чтобы помешать объединению Италии, а в 1914 г. против Сербии, чтобы преодолеть разлагавшую Австрию силу великосербского движения. После разгрома Франции в 1870 г. прусский генеральный штаб неоднократно предлагал (в середине семидесятых и восьмидесятых годов) обрушиться на Францию, чтобы не позволить ей оправиться. В 1905 г. граф Шлиффен настаивал на такой превентивной войне, чтобы разгромить Францию, воспользовавшись бессилием России, связанной войной на Дальнем Востоке и революционным движением. Источником войн является, таким образом, не только усиление одних политических группировок, но и остановка роста или ослабление других. Усиление рабочего движения и, в частности, СССР легко может также поставить буржуазию перед вопросом о превентивной войне.

Превентивные войны имеют особое значение при применении стратегии сокрушения, молниеносные удары которой позволяют быстро изменить положение, до вмешательства других государств. В 1756 г. Фридрих Великий начал Семилетнюю войну как превентивную, ввиду полученных им сведений о формировании большой коалиции. Но, применяя стратегию измора, он смог лишь оккупировать Саксонию и уничтожить саксонскую армию. Если бы ему была доступна стратегия сокрушения, он сумел бы нанести главному своему врагу — Австрии — смертельный удар, прежде чем вмешались бы Россия и Франция.

Политика определяет важнейший театр войны. Выдвижение тех или иных политических целей не является платоническим напутствием для работы стратегии, но определяет главные линии войны. Всем ясно, что, например, при войне СССР с Польшей, в зависимости от тех или иных политических целей, центр тяжести действий на западе может переложиться с Белоруссии на Украину, и наоборот. Политические соображения имеют в этом отношении несравненно важнейшее значение, чем военно-технические.

Выдвижение определенной политической цели является не только заданием для деятельности вооруженных сил, но и директивой для политической подготовки войны, подготовки, широко охватывающей вопросы внутренней и внешней политики.

Интегральный полководец. Войну ведет верховная власть государства; слишком важны и ответственны решения, которые должно принимать руководство войной, чтобы можно было доверить его какому-либо агенту исполнительной власти.

Наши представления о руководстве извращаются применением термина «верховный главнокомандующий»;